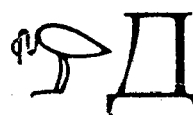


мания египетского письма и не претендующее на замкнутость, позволило и в дальнейшем выдвигать новые идеи и точки зрения, которые приблизят нас к правильной оценке еще большего количества фактов.

Тем самым автор выражает надежду, что настоящая работа в какой-то мере будет стимулировать развитие египтологии в области изучения письма, фонологии, языка и мышления древних египтян и, возможно, окажется полезной для изучения фонологии и системы письма некоторых смежных с египтянами народов древней Африки, а сам системный подход и, быть может, метод прямоугольных координат будут применены для исследования других «инофонологических» систем письма.

ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ  
(ПОДСИСТЕМЫ)  
ЗВУКОВЫХ ЗНАКОВ  
ДО СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ



Для более четкого и ясного представления наших целей и задач в исследовании системы (подсистемы) звуковых знаков с точки зрения системного подхода представляется уместным обратить внимание не только на сделанные нами предварительные замечания во Введении, но и на изменение представлений об общей и подчиненных системах (в особенности системы, точнее, подсистемы звуковых знаков) египетского письма в то время, когда они изучались не как системные объекты.

Сразу следует оговориться, что мы ни в коем случае не имеем в виду излагать историю египтологии и взгляды каждого египтолога на древнеегипетское письмо. Нас интересует лишь развитие и смена основных идей и мнений по поводу системы и подсистем египетского письма.

Нет сомнений, что это развитие представлений тесно связано с историей дешифровки, которая заняла почти две тысячи лет и окончилась победой науки. Но при этом следует иметь в виду на первый взгляд парадоксальный факт, что хотя дешифровка уже давно завершена и на ее выводах зиждутся все успехи современной египтологии, тем не менее многие аспекты системы египетского письма до сих пор не только не ясны, но даже не намечены для изучения.

Поэтому в данный момент нас интересует, естественно, не история дешифровки, связанная с решением большого количества проблем (установление видов письма, их отношение друг к другу, определение значения отдельных знаков и т. д.), а история основных взглядов на систему египетского письма. К сожалению, оригинальные мнения и идеи (если они имеют место) в египтологических трудах не высказываются четко, а скрыты под проблемами дешифровки и происхождения иероглифов. Поэтому автору пришлось воссоздавать концептуальные модели взглядов отдель-

ных египтологов, что представляло, как правило, большие трудности<sup>1</sup>.

Если представить себе картину эволюции взглядов на систему египетского письма начиная со времени, когда им стали интересоваться греки и римляне, то в ней можно различить три основных периода, которые мы назвали бы «античным», «героическим» и «классическим». В каждом из них можно довольно хорошо и не формально различить начало и конец и даже промежуточные периоды между ними.

## АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

Уже задолго до того, как в самом Египте местные жители забыли собственные древние виды письма и их систему, египетское письмо своей необычностью стало привлекать внимание античных историков, философов, географов, писателей, которые в той или иной мере и по разным причинам сталкивались с египетской культурой. Удивительный внешний вид египетских письменных знаков (и прежде всего иероглифов с их великим множеством различных знаков рисуночного вида) заставил многих прийти к естественному выводу с точки зрения здравого смысла, что эти знаки передавали понятия, а не звуки, т. е. что египетское письмо было символическим.

Характерно мнение известного греческого историка I в. до н. э. Диодора Сицилийского, который в 60—57 гг. посетил Египет и посвятил ему две книги своей «Исторической библиотеки». За египетскими и эфиопскими письменами он признает только символическое значение: «У них, — пишет он, — письмо состоит не в передаче соединения слогов данного слова, но в выражении, метафорически, смысла изображенных предметов. . .»<sup>2</sup>. То же самое утверждает, например, и римский писатель первой половины II в. н. э. Апулей, автор «Золотого осла».

Этих ссылок достаточно, чтобы при нашем способе рассмотрения египетского письма можно было утверждать, что за общую систему египетского письма некоторые античные авторы принимали подсистему идеографических знаков.

Но античность обладала и более точными сведениями о египетском письме, почерпнутыми античными писателями у самих египтян и подкрепленными собственными наблюдениями.

<sup>1</sup> Для передачи строения системы египетского письма мы приняли дополнительный графический способ изображения иерархии систем и подсистем знаков не в виде «древа» (оно поневоле было бы смешано с «родословным древом»), а в виде технического метода, который называют «энкансисом» («вкладывание»), хорошо показывающим вхождение низших подсистем во внешние (см.: Е. С. Смирнов, Систематика живого, — «Структура и форма материи», М., 1967, с. 403).

<sup>2</sup> P. Marestaing, Les écritures égyptiennes et l'antiquité classique, Paris, 1913, p. 49.

Одним из первых ими располагал «отец истории» Геродот, который путешествовал по Египту в середине V в. до н. э. В книге II своей «Истории» он сообщает, что «эллина пишут свои буквы и считают слева направо, а египтяне — справа налево» (II, 36). Здесь впервые, пожалуй, мы видим намек на то, что можно назвать одной из черт внешней формы организации общей системы египетского письма, т. е. ее структуры. Правда, Геродот не пишет о двух других направлениях, возможных для иероглифических знаков, — слева направо и сверху вниз, — так как имеет в виду не монументальный, а скорописные виды письма. Это ясно из следующего замечания: «У них употребляется, впрочем, двойного рода письмо: одно называется священным [иератическим], а другое демотическим [общенародным]» (II, 36).

Но самые интересные сообщения, дошедшие до нас от античного периода, оставил философ Платон, который в первое десятилетие IV в. до н. э. провел некоторое время в Египте — «средоточии мудрости». Платон не говорит ни о видах египетского письма, ни о значении отдельных иероглифов, а с характерным для него интересом к абстрактным проблемам обращает внимание на другие вопросы: происхождение египетского письма и его системность. Особенно ценны его замечания в диалогах «Федр» (59) и «Филеб» (18).

В первом Платон от имени Сократа рассказывает египетскую легенду о создании письма «отцом письмен» богом Тотом: «Я слышал, что в окрестностях Навкратиса, города Египта, существовал один из древних богов, которому была посвящена священная птица по названию ибис. Имя самого демона Тот. Он первый изобрел числа и счет, геометрию и астрономию, игру в шашки, игру в кости, а также и письмена»<sup>3</sup>.

В диалоге «Филеб» в форме диалектического рассуждения об единичном и множественном Платон снова возвращается к египетскому письму как к целостной системе. Речь идет о том, что «некий Тот» в Египте первый выделил из потока речи отдельные звуки и затем классифицировал письмена, передающие эти звуки. Он выделил среди них три вида: гласные, безгласные (согласные) и «немые». Затем Тот разделил все письмена на четыре группы (для гласных, согласных, полугласных и «немых») и установил их количество. Наконец, Тот понял, что «между буквами существует единая связь, приводящая все к некоему единству»<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> Ibid., p. 35—36.

<sup>4</sup> Приведем этот любопытный отрывок полностью: «В Египте, как гласит предание, некий Тевт (Тот) первый подметил, что гласные буквы (звуки) в беспредельности представляют собой не единство, но множество, что другие буквы — безгласные, но все же причастны некоему звуку и что их также определенное число; наконец, к третьему виду Тевт причислил те буквы, которые теперь, у нас, называются немые. После этого он стал разделять все до единой безгласные и немые и поступил таким же образом с гласными и полугласными, пока не установил их числа и не дал каждой в отдельности и всем вместе названия «буква» (первоначально). Видя, что никто из нас не может

Таким образом, в начале IV в. до н. э. Платон изложил суть общей целостной системы египетского письма как письма фонетико-идеографического, наметил в этой системе две подсистемы — звуковые знаки и «немые», т. е., видимо, идеографические, а в систем звуковых знаков различил низшие подсистемы — знаки для гласных, согласных и полугласных звуков<sup>5</sup>.

Существует точка зрения, что Платон знал также и о том что египетский алфавит состоял из 24 знаков<sup>6</sup>. В этом случае Платон точно знал количественный состав, т. е. одну из черт внешней формы (структуры), подчиненной алфавитной системе знаков

Следующее важное свидетельство принадлежит Плутарху (I—II вв. н. э.). В своем трактате «Об Исиде и Осирисе» (§ 56 он сообщает, что египетский алфавит состоит из 25 знаков («число пять в квадрате дает столько букв, сколько содержит египетский алфавит, и столько же лет, сколько живет бык Апис»). В другом своем сочинении, «Застольные беседы», Плутарх пишет, что Гермес (с которым греки отождествляли египетского бога мудрости Тота) первый из богов открыл в Египте письмо. Поэтому египтяне изображением ибиса (одна из внешних форм Тота) обозначали первую из своих букв<sup>7</sup>.

Представляется крайне любопытным, что Плутарх знал число знаков одной низшей подсистемы звуковых знаков, т. е. чрезвычайно важный аспект структуры. Не лишено интереса и утверждение Плутарха о «первой букве» египтян. Среди «алфавитных» знаков такого знака нет. Но здесь, видимо, содержится намек на какой-то иной «неалфавитный» порядок знаков, в котором первым знаком был знак ибиса, т. е. тоже на один из аспектов внешней формы организации общей системы письма (начало отсчета).

Таким образом, исходя даже только из того, что до нас дошло, можно утверждать, что античный мир обладал ценными данными о системе (и подсистемах) египетского письма. Существовало представление, во-первых, об общем фонетико-идеографическом характере этой системы (Платон) и двух чертах ее внешней организации: направлении знаков (Геродот) и начале отсчета алфавита

научиться ни одной букве, взятой в отдельности, помимо всех остальных. Тевт понял, что между буквами существует единая связь, приводящая все к некоему единству. Эту связь Тевт назвал грамматикой — единой наукой о многих буквах» [П л а т о н, Филеб, b—d (Сочинения в трех томах, т. 3, ч. 1, М., 1971, с. 20)].

<sup>5</sup> Разумеется, можно возразить, что Платон изложил общую античную теорию о звуках и письменах и она не имеет отношения к египетскому письму. Но мы думаем, что Платон имеет в виду именно последнее, так как в противном случае он бы не отнес столь уверенно эту теорию к египетскому богу Тоту, который «изобрел» не вообще письмо, а лишь египетское.

<sup>6</sup> R. Eisler-Feldafing, Platon und das ägyptische Alphabet, — «Archiv für Geschichte der Philosophie», Bd XXXIV, Neue Folge, Bd XXVII, Berlin, 1922, H. 1—2, S. 3—13.

<sup>7</sup> P. Marestaing, Les écritures égyptiennes. . . , p. 85, p. 75—76.

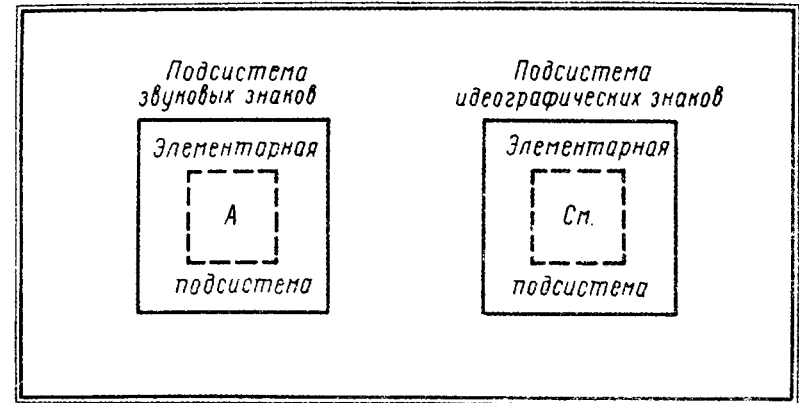


Рис. 1. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по наиболее соответствующим истине, но наименее распространенным взглядам некоторых античных авторов

(А — элементарная подсистема алфавитных знаков; См. — элементарная подсистема символических знаков).

(Плутарх); во-вторых, о наличии двух подсистем, т. е. звуковых знаков и идеографических (Платон); в-третьих, о количественном составе алфавита, т. е. основной черте внешней формы одной из низших подсистем звуковых знаков — алфавитной (Плутарх и, может быть, Платон).

Если использовать для наглядной передачи взглядов античных авторов технический способ «энкапсиса», то концептуальную модель их представлений о системе древнеегипетского письма можно изобразить так (рис. 1).

С появлением в христианском Египте в первые века нашей эры грекообразного буквенного письма коптов в самом Египте было сравнительно быстро утрачено знание исконно египетского «языческого» письма (последняя иероглифическая надпись относится к 394 г. н. э., а демоническая — к 452 г. н. э.), т. е. с точки зрения, с которой мы рассматриваем этот вопрос, к середине I тыс. н. э. египтяне постепенно забыли или почти забыли системно-структурные принципы своего письма.

Этот процесс «забывания» коснулся тех, кто, теоретически, должен был бы больше знать о древнеегипетском письме, т. е. александрийских ученых, которые жили и творили на территории Египта до начала V в. н. э., а некоторые даже были уроженцами этой страны.

Об этом свидетельствует, например, то немногое, что дошло от специального трактата об иероглифах философа-стоика Херемона (I в. н. э.) «Иероглифика». Характерно также мнение основателя школы неоплатонизма философа Плотина (III в. н. э.)

о безусловном метафорическом и символическом характере египетских «картинок», которыми писали египтяне. Такое утверждение выглядит странным потому, что Плотин, например, родился в Египте, получил образование в Александрии, не был христианином, и, казалось бы, ничто ему не препятствовало иметь более точные сведения о древнем письме, надписи на котором в это время еще составлялись в Египте.

В связи с утратой знаний о системе письма основное внимание в это время уделялось не содержанию, а форме египетской письменности, т. е. описанию видов письма и значению отдельных иероглифов. Так, известный богослов Климент Александрийский (II в. н. э.) сообщает, что у египтян существовали такие виды письма: иероглифика, т. е. священное монументальное письмо, высеченное на камне; иератика — священное письмо жреческих свитков; эпистолистика — письмо для повседневного употребления (то, что Геродот назвал «туземным» или «демотикой» — общенародным). Правда, одно туманное место в сочинении Климента «Строматы» может быть понято так, что он еще знал о наличии среди иероглифов звуковых знаков.

Тем более нет ничего удивительного, что у тех, кто в это время не жил в Египте, но интересовался египетским письмом (например, крупнейшие римские историки Тацит — I—II вв. н. э.; Дион Кассий — II—III вв. н. э.; Аммиан Марцеллин — IV в. н. э.), можно найти наряду с правильными указаниями, какими отдельными иероглифами выражались те или иные понятия или слова, лишь утверждения о его символическом характере.

В связи с этим нельзя не отметить, что в первые века нашей эры существовали люди, которые, без сомнения, практически хорошо знали египетское письмо. На это указывают даты последней иероглифической и демотической надписей (см. выше).

Кроме того, Аммиан Марцеллин приводит прекрасный перевод на греческий язык иероглифической надписи на одном из обелисков, сделанный неким Гермационом, египтянином, видимо, по происхождению.

И все же теоретическое понимание системы египетского письма было потеряно. Самими египтянами, даже теми, кто практически кое-что знал о египетских иероглифах, египетское письмо рассматривалось только как символическое. Вершиной такого понимания явилось сочинение египтянина Горapolloна (IV в. н. э.), уроженца Верхнего Египта, который написал две книги трактата «Иероглифика». Горapolloн часто правильно указывает значение некоторых иероглифов, т. е. какое слово могло им писаться, или какое понятие выражаться, но толкует их только символически <sup>8</sup>.

<sup>8</sup> [H o r a p o l l o], The Hieroglyphics of Horapollo, Tr. by G. Voas, — «Bollingen series XXIII», New York, 1950; В. И. П е т р о в с к а я, Древнеегипетский толковник письменных знаков и «Иероглифика» Горapolloна, — сб. «Ассириология и египтология», Л., 1964, с. 105—115.

Через тысячелетие, когда в эпоху Возрождения в связи с проснувшимся интересом к античной культуре вновь стали привлекать внимание и египетские иероглифы, авторитет Горapolloна, египтянина и автора единственного сохранившегося большого трактата о египетском письме, был незыблем. Его толкования подкреплялись также и высказываниями многих известных античных авторов и внешним рисуночным видом иероглифов. Поэтому первые попытки прочесть египетские надписи, т. е. дешифровать египетские иероглифы, были основаны только на их символическом истолковании. Это касается прежде всего трудов Афанасия Кирхера (XVII в.).

Явные неудачи, которые потерпел Кирхер, пытаясь практически истолковать иероглифы, оказались в конечном итоге полезными для науки, не говоря уже о том, что Кирхер явился основоположником изучения коптского языка.

В XVIII в. появляются любопытные теоретические соображения по поводу общей системы египетского письма, а также делаются ценные наблюдения и выдвигаются интересные предположения по частным вопросам.

В 1738 г. Вильям Уорбертон в своей чисто умозрительной работе высказал соображение о необходимости существования в египетском скорописном письме знаков — букв. Но он считал, что они образовывали обособленную систему, а другие типы письма не имели звуковых знаков.

В 60-х гг. XVIII в. Карстен Нибур сделал в Египте любопытное наблюдение, что число различных иероглифов на памятниках сравнительно невелико и они поэтому не могли передавать только понятия, т. е. среди них должны быть звуковые знаки. То же самое мнение высказал и Георг Соэга (1797). Таким образом, появляются первые предположения об общей системе египетского письма.

Существовали и другие очень ценные гипотезы. В 1766 г. Жозеф де Гинь, крупный семитолог, предположил, что, во-первых, в египетском письме, как у некоторых семитских народов, не передавались гласные звуки и, во-вторых, должны были существовать особые знаки-определители, поясняющие смысл первого иероглифа.

Были и другие соображения, которые в дальнейшем оказались весьма полезными при дешифровке, но не имели непосредственного отношения к установлению системы египетского письма (например, об общности коптского и древнеегипетского языков, о том, что в картушах — овалах заключались имена царей и т. д.).

<sup>9</sup> Чрезвычайно интересный и подробный обзор взглядов на египетское письмо в XVII—XVIII вв. дан в книге: M. V. D a v i d, Le débat sur les écritures et l'hieroglyphe aux XVII<sup>e</sup> et XVIII<sup>e</sup> siècles, Paris, 1965.

Как известно, собственно дешифровка началась уже в начале XIX в., после того как в 1799 г. был найден Розеттский камень с тремя идентичными надписями на двух языках — древнеегипетском и греческом, выполненными тремя видами письмен: священными (иероглифическими) и туземными (демотическими) знаками для надписей на египетском языке и греческими буквами для греческой надписи. Исследование демотической надписи Сильвестром де Саси и Окербладом привело к установлению среди демотических письмен алфавитных знаков, которыми, по их мнению, писались чужеземные имена. Но эти исследователи не учли возможность опущения гласных и наличия «немых» знаков-определителей.

В 1814 г. Розеттским камнем занялся Томас Юнг. По сходству некоторых демотических и иероглифических знаков Юнг заключил, что демотическое письмо — это скорописный вариант иероглифического, но, так как он насчитал более сотни демотических знаков, а ни один алфавит не имел такого количества букв (Юнг предполагал, что наибольшее количество букв в алфавите может быть равно 47), он пришел к выводу, что демотические знаки передавали понятия, а не звуки. Отсюда и иероглифы в целом передавали понятия, а не звуки. Юнг установил в Розеттском камне смысловое значение более 70 групп и отдельных иероглифов. Он считал, что в виде исключения из общего правила только чужеземные имена писались иероглифами, передающими звуки, а не понятия. Им было правильно определено звуковое значение пяти иероглифов. Но дело не в их количестве. Юнг мог бы определить фонетическое значение и большего количества знаков. Дело в том, что Юнг только подступил к дешифровке иероглифов, но никогда не был бы в состоянии ее осуществить, так как не дошел до правильного представления об общей системе египетского письма, считая его в целом символическим<sup>10</sup>.

### «ГЕРОИЧЕСКИЙ» ПЕРИОД

Нет никаких сомнений в том, что дешифровка стала возможной лишь тогда, когда вместе соединились некоторые практические знания о египетском письме (например, о его видах, звуковом и идеографическом значении отдельных знаков и т. д.) и абстрактное понимание сущности общей системы этого письма. Это и является главной заслугой основоположника египтологии гениального Жана Франсуа Шампольона (1790—1832).

<sup>10</sup> Вообще чрезвычайно странно, что именно такой блестящий ученый, как Томас Юнг — физик, математик, медик, не мог избавиться от «здорового смысла».

Как мы указали, подробное описание этапов дешифровки не входит в нашу задачу<sup>11</sup>. Укажем лишь, что, начав в 1808 г. изучение Розеттской надписи, Шампольон только через полтора десятилетия, преодолев множество собственных заблуждений, в декабре 1821 г. пришел к выводу, что среди иероглифов должны были существовать и фонетические знаки, и к началу 1822 г. увеличил алфавит до 15 знаков. Но это еще не было дешифровкой, так как Шампольон тогда не отрешился от традиционного представления о символическом характере египетского письма, относя употребление алфавитных знаков лишь к чужеземным именам.

Полный поворот произошел 14 сентября 1822 г., когда на копии одной надписи он смог прочитать не чужеземные имена, а два имени древних египетских царей, т. е. убедиться в том, что египтяне пользовались звуковыми знаками и в древности. Собственно говоря, это и был вывод, к которому он шел долгие годы, о сути общей системы египетского письма как письма фонетико-идеографического.

С этого момента в египтологии начался период, который можно назвать героическим.

В своем известном «Письме к г-ну Дасье относительно алфавита фонетических иероглифов» (27 сентября 1822 г.) Шампольон по ряду соображений еще пишет об алфавитных знаках только как о «вспомогательной системе письма» для передачи чужеземных имен, но вскоре в «Очерках иероглифической системы древних египтян» (1824) он высказывает решительно мнение, что «та система, которую мы так долго считали состоящей только из идеографических письмен (caractères ideographiques), так сказать, из простых знаков понятий (simple signes d'idées), имела также среди своих элементов фонетические знаки (signes phonétiques), изобразительные, правда, по своей форме, но передающие в сущности произношение слов египетского разговорного языка»<sup>12</sup>.

Следовательно, Шампольон совершенно ясно представлял структуру общей системы египетского письма, как состоящую из двух элементов: идеографических знаков и звуковых знаков.

Свое завершение взгляды Шампольона на систему и подсистемы египетского письма нашли в его «Египетской грамматике» (1836), которая была опубликована уже после его смерти. Среди письменных знаков он находит три класса:

1) знаки мимические, или фигуративные (les caractères mimiques, ou figuratifs), т. е. знаки, изображавшие сам предмет;

<sup>11</sup> Мы отсылаем читателя к книге: Ж. Ф. Ш а м п о л ь о н, О египетском иероглифическом алфавите, перевод, редакция и примечания И. Г. Лившица, 1950.

<sup>12</sup> Ch a m p o l l i o n l e J e u n e, Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens. . . , 2<sup>10</sup> éd., Paris, 1828, p. 182 (далее — Ch a m p o l l i o n, Précis. . .).

2) знаки тропические, или символические (les caractères tropiques, ou symboliques), т. е. знаки, употреблявшиеся в переносном смысле;

3) знаки фонетические, или звуковые знаки (les caractères phonétiques, ou signes de son)<sup>13</sup>.

Таким образом, в общей фонетико-идеографической системе Шампольон различал две подсистемы (фонетическую и идеографическую) с тремя низшими подсистемами: изобразительные, символические и фонетические знаки.

Каждую из этих подсистем Шампольон исследовал. Например, он четко определил генетику символических знаков и пути их возникновения (синекдоха, метонимия, метафора, загадка)<sup>14</sup>.

Следует отметить, что Шампольон указал и на то, что многие изобразительные и некоторые символические знаки помещаются после других знаков в целях чисто определительных, т. е. являются знаками вида (les signes de l'espèce)<sup>15</sup>. Их он называет либо «определятельными письменами» (les caractères déterminatifs), либо просто «определятелями» (déterminatifs). Следовательно, Шампольон не считал детерминативы отдельной низшей подсистемой знаков, а считал их употребление функцией идеографических знаков. Две большие главы своей «Грамматики» он посвятил детерминативам.

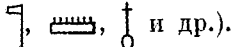
Что касается фонетической стороны египетского письма, т. е. подсистемы звуковых знаков, то он считал ее «наиболее могущественным и наиболее употребительным средством графической системы»<sup>16</sup>. Однако подсистема звуковых знаков совпадала у Шампольона с алфавитными знаками. В «Египетской грамматике» он утверждает: «Ряд фонетических знаков образует настоящий алфавит (un véritable alphabet), но не слоговую азбуку (un syllabaire)»<sup>17</sup>.

При этом Шампольон считал основным принципом образования алфавитных знаков акрофонический принцип, который, как известно, заключается в передаче первого звука названия изображенного предмета.

В связи с тем что Шампольон всю подсистему звуковых знаков свел к алфавиту, последний был у него огромен и по мере увеличения количества читаемых текстов все увеличивался. Так, в «Очерках иероглифической системы» в «Гармонической таблице фонетических иероглифов» на 26 букв (и три сочетания) из древнееврейского, коптского и греческого алфавитов им дается 134 еги-

петских знака<sup>18</sup>, а в «Грамматике» — уже 260 их значений даны коптскими буквами: 48 — для гласных (№№ 1—48), 184 — для артикуляций, т. е. согласных (№ 49—232), 15 — для лигатур и групп (№ 233—247) и 13 — для передачи греческих букв (№ 248—260)<sup>19</sup>.

Огромное количество алфавитных знаков Шампольон объяснял большим количеством омофонов. Это он утверждает и в «Очерках иероглифической системы»<sup>20</sup> и в «Египетской грамматике»<sup>21</sup> (см. рис. 2).

Большой алфавит — слабое место в концепции Шампольона хотя бы потому, что ни одна известная алфавитная система письма не дает такого количества букв. Его необыкновенная проницательность проявлялась в том, что он вплотную подошел к открытию звуковых знаков другого типа. Например, в упомянутой выше таблице фонетических знаков в его «Грамматике» среди обозначений лигатур и групп (№ 233—247) можно увидеть знак, который Шампольон смело транслитерирует по-коптски не одной начальной буквой, а двумя согласными, а в § 82 той же «Грамматики» он приходит к выводу о том, что некоторые слова могли иметь написания, сокращенные до одного знака (например,  и др.).

Нельзя не отметить, наконец, что Шампольон высказал интереснейшую идею об использовании фонетических знаков как «объяснительной формы» (une forme explicative)<sup>22</sup>, т. е. о том, что далее стали называть «фонетическими дополнениями».

Таким образом, как бы это ни звучало парадоксально, великий основоположник египтологии, с гениальной интуицией читавший многие египетские слова и даже надписи, установивший характер общей системы египетского письма, ответивший на многие вопросы грамматики египетского языка и словарного состава, почти правильно определивший состав подсистемы идеографических знаков, еще не точно определил даже внешнюю форму организации (структуру и структурные отношения) подсистемы, по его же словам, «наиболее могущественных и наиболее употребительных» звуковых знаков, сведя ее к одной низшей элементарной системе<sup>23</sup> (см. рис. 3).

<sup>18</sup> Champollion le Jeune, Précis du système hiéroglyphique des anciens égyptiens. Planches et explications, Paris, 1827; Pl. A-K. — «Hiéroglyphes phonétiques. Alphabet harmonique: Hébreu, Copte, Grec et Egyptien».

<sup>19</sup> Champollion, Grammaire... , p. 35—46.

<sup>20</sup> Champollion, Précis... , p. 370.

<sup>21</sup> Champollion, Grammaire... , p. 29—30, 64.

<sup>22</sup> Champollion, Précis... , p. 141.

<sup>23</sup> Это и дало возможность Адольфу Эрману, как мы покажем дальше, основоположнику классического периода в изучении системы египетского письма, написать о Шампольоне в дни 100-летия со дня дешифровки иероглифов следующее: «То, что он оставил после своей ранней смерти (1832), еще не было хорошо организованным знанием. Он гениально понимал слова и

<sup>13</sup> Champollion le Jeune, Grammaire égyptienne, Paris, 1836, p. 22 (далее: Champollion, Grammaire).

<sup>14</sup> Ibid., p. 23—27.

<sup>15</sup> Champollion, Précis... , p. 145; Champollion, Grammaire... , p. 70—108.

<sup>16</sup> Champollion, Précis... , p. 374.

<sup>17</sup> Champollion, Grammaire... , p. 27.

Э. П. - Ф. П. - Ф				
106.				
Э    Э				
107.				
108.				
Р. Х. Х.				
109.				
Г. Р(λ). Р(λ).				
110.				
111.				
112.				
113.				
114.				
115.				
116.				
117.				

Рис. 2. Часть «гармонического алфавита» Ж. Ф. Шампольона (фонетические иероглифы № 106—117), 1827 г.

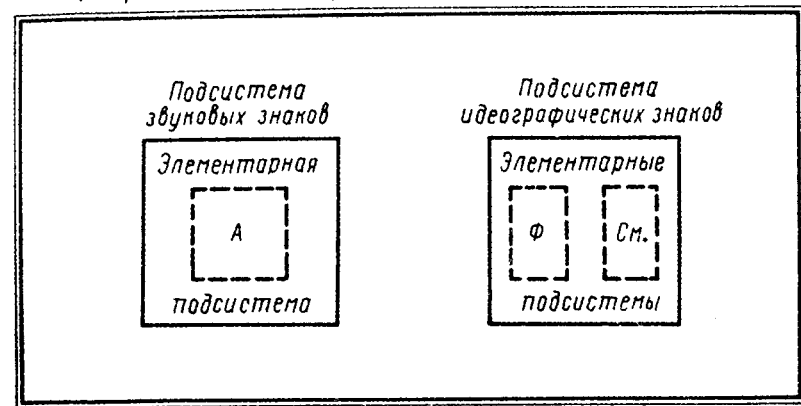


Рис. 3. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по Ж. Ф. Шампольону, 30-е годы XIX в. (А — элементарная подсистема алфавитных знаков; Ф — элементарная подсистема фигуративных знаков; См. — элементарная подсистема символических знаков).

Как известно, после смерти Шампольона несколько лет в египтологии не было движения вперед. Более того, снова получает хождение взгляд об общем символическом характере египетских знаков (Г. Клапрот, Г. Зейфарт, И. А. Гулянов). Нет сомнения, что этому в немалой степени способствовало то, что Шампольон не смог полностью определить внешнюю форму организации системы звуковых знаков.

Продолжателями Шампольона оказались не его прямые последователи и ученики во Франции и Италии, а те, кто стали преодолевать самое слабое и уязвимое место в его концепции.

Первым из них оказался немецкий лингвист, археолог и египтолог Рихард Лепсиус (1810—1884), который, приняв все основные положения Шампольона, обратил особое внимание на систему звуковых знаков. Как можно судить по одной из первых его работ, связанных с египетской письменностью, Лепсиус в целом интересовался проблемой алфавита, в частности порядком и родством алфавитов<sup>24</sup>. Вне всякого сомнения, этот теоретический интерес

предложения, но систему письменности, которую он умел читать, он никогда правильно не представлял» (А. Е r m a n, Die Hieroglyphen, Berlin—Leipzig, 1923, S. 12).

Нам кажется, что такой вывод слишком резок, так как Шампольон, как мы видели выше, совершенно правильно определил основное, что было утеряно на тысячелетия — общую систему египетского письма, и отвел в этой системе главную роль звуковому элементу. Следуя Эрману, и о нем самом можно сказать, что он никогда правильно не представлял систему письменности, так как знал лишь приблизительно внешнюю форму ее организации.<sup>24</sup> R. L e p s i u s, Über die Anordnung und Verwandtschaft des Semitischen, Indischen, Äthiopischen, Altpersischen und Altägyptischen Alphabets, — «Abhandlungen der kngl. Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1835.

принес большую пользу, так как Лепсиус имел дело в своей практике и с syllабическими алфавитами (например, древнеиндийским syllабарием), а это натолкнуло его на мысль о возможности происхождения египетских алфавитных знаков из слогов. В 1837 г. Лепсиус излагает свои соображения по поводу всей системы египетского письма в известном письме к И. Розеллини<sup>25</sup>.

По определению Лепсиуса, «иероглифическая система — это организм», состоящий из идеографических, звуковых и промежуточных знаков. Идеографические знаки Лепсиус не делит, как Шампольон, на фигуративные и тропические, а объединяет в один класс идеографических (или символических) знаков<sup>26</sup>.

Исходя из своей предпосылки, что «все наиболее развитые виды письма прошли через syllабическое состояние», Лепсиус считает, что и египетский алфавит по происхождению был syllабическим, т. е. алфавитные знаки произошли из открытых слогов. Количество алфавитных знаков Лепсиус довел до трех десятков. По его мнению, они соответствовали всего 12 согласным и трем гласным коптского языка. Этот алфавит Лепсиус назвал «главным фонетическим алфавитом» (*alphabet phonétique général*)<sup>27</sup> (см. рис. 4).

Говоря о происхождении алфавитных знаков из слогов, Лепсиус не утверждает, что среди других египетских знаков сохранились «syllабические» знаки, и остальные знаки, помимо идеографических и фонетических (алфавитных), он относит к «промежуточным» (*caractères intermédiaires*)<sup>28</sup>. Среди них он выделяет:

1) знаки, первоначально идеографические, которые передают только первый звук слова (*caractères initiaux d'une valeur phonétique spéciale*)<sup>29</sup>, — в пример приводятся два трехсогласных знака и один двусогласный;

2) знаки, первоначально идеографические, которые употреблялись часто самостоятельно с идеографическим значением, но могли также передавать все слова или части слов, заключающие те же звуки (*signes initiaux d'une valeur phonétique limitée*)<sup>30</sup>, — в пример приводятся знаки типа *th*, *tn* и слова, которые могли ими писаться. Сразу же следует обратить внимание на то, что именно в четком различении этой группы заложена в будущем возможность выделения так называемых «двусогласных знаков», т. е. особой элементарной подсистемы;

<sup>25</sup> R. Lepsius, Sur l'alphabet hiéroglyphique. Lettre à Monsieur le prof. Hippolyte Rosellini, — «Annali dell'istituto di corrispondenza archeologica», vol. IX, Roma, 1837, p. 5—100 (далее — Lepsius, Lettre...).

<sup>26</sup> Ibid., p. 23.

<sup>27</sup> Ibid., p. 43.

<sup>28</sup> Ibid., p. 46.

<sup>29</sup> Ibid., p. 48—51.

<sup>30</sup> Ibid., p. 51—56.

### 1. Alphabet phonétique général

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
б о с	д и с т	о от	к	х	т	р л	м	н	п	с	ш	ч	ц	ш
а о с	д и с т	о от	к	х	т	р л	м	н	п	с	ш	ч	ц	ш

Рис. 4. «Главный фонетический алфавит» Р. Лепсиуса, 1837.

3) знаки, которые занимали второе место в фонетической группе (*signes idéographiques prenant la seconde place dans un groupe phonétique*)<sup>31</sup>.

Наконец, Лепсиус выделяет детерминативы как второй класс «промежуточных знаков» и различает среди них: детерминативы вида (*déterminatifs d'espèce*), детерминативы рода (*déterminatifs de genre*)<sup>32</sup> и грамматические детерминативы (*déterminatifs grammaticaux*)<sup>33</sup>.

Из этого краткого обзора видно, что Лепсиус несколько по-иному, чем Шампольон, представлял внешнюю форму организации как общей системы египетского письма, так и подсистем. Общая фонетико-идеографическая система состояла по Лепсиусу из трех подсистем: идеографической, звуковой и промежуточной; подсистема звуковых знаков — из одной элементарной алфавитной подсистемы, а «промежуточная» подсистема — из двух элементарных подсистем: собственно промежуточных знаков и детерминативов. Идеографическая же субсистема по Лепсиусу состояла из одного вида знаков — символических (см. рис. 5).

Следует отметить как огромную заслугу Лепсиуса и большой шаг вперед всей египтологии по крайней мере три момента:

1) выделение алфавита как важнейшей субсистемы звуковых знаков;

2) отторжение некоторых знаков от чисто идеографических в «промежуточные» (например, знаки, которые могли выражать слова и части слов, содержащие те же звуки). Это был путь к дальнейшему уточнению значения некоторых типов знаков как «неалфавитных» фонограмм, т. е. других субсистем звуковых знаков;

3) наконец, попытка рассмотреть происхождение «алфавита» из слогов, т. е. в плане генетическом.

Но во взглядах Лепсиуса много неясного и путаного (отнесение детерминативов к «промежуточной» подсистеме, выделение «грамматических» детерминативов; выделение знаков, которые якобы передавали только первый звук, и т. д.).

<sup>31</sup> Iqid., p. 56—57.

<sup>32</sup> Ibid., p. 58—62.

<sup>33</sup> Ibid., p. 62—67.



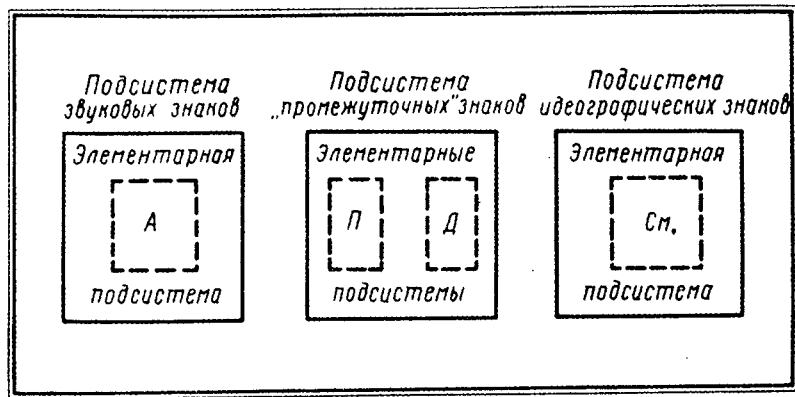


Рис. 5. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистемы египетского письма по Р. Лепсиусу, 1837

(А — элементарная подсистема алфавитных знаков; П — элементарная подсистема «промежуточных» знаков; Д — элементарная подсистема детерминативов; См. — элементарная подсистема символических знаков).

Но самое главное (как это ни странно!) — это уверенность Лепсиуса, которая уже ощущается в его «Письме к г-ну проф. Ипполиту Розеллини» и которая не покидала его до конца жизни, в преобладании идеографического начала перед фонетическим в системе египетского письма, т. е. он сделал шаг назад по сравнению с Шампольоном, утверждавшим обратное<sup>34</sup>. В 1863 г., т. е. почти через 40 лет после открытия Шампольона и более чем через четверть столетия после собственного открытия «Главного алфавита», Лепсиус писал: «Иероглифическое письмо было во все времена, по существу, идеографическим письмом, в котором каждый знак выражает целую идею и соответствующие ей слова. Правда, мы находим с древнейших времен некоторое количество чисто фонетических знаков, смешанных с ними, но второстепенного характера. Они не были предназначены вытеснить иероглифические знаки, но лишь намекнуть на подходящие слова для них, снабдить их грамматическими формами и писать чужеземные имена. Кроме этих двух классов знаков имелись другие, промежуточного характера»<sup>35</sup>.

Но в цитированной только что книге Лепсиуса «Стандартный алфавит» содержится одно чрезвычайно важное новшество:

<sup>34</sup> Поэтому вряд ли можно согласиться с А. Эрманом, который в 1911 г. утверждал: Лепсиус столь правильно определил строение системы египетского письма, что, «отвлекаясь от частных деталей, мы еще сегодня рассматриваем иероглифы незначительно иначе, чем он учил тогда» («Gedächtnisrede des Hrn. Erman auf Richard Lepsius». — SPAW, Jahrg. 1911, 1 Halbband S. 706).

<sup>35</sup> R. Lepsius, Standard Alphabet, 2-nd ed., London—Berlin, 1867, p. 194—195.

транслитерация латинскими буквами знаков египетского алфавита, который Лепсиус к этому времени увеличил до 28 (с вариантами написаний — до 42). Этот, казалось бы, чисто условный и внешний акт не только был определенным шагом вперед (так как новый метод транслитерации был основан на научных принципах передачи звуков, выработанных с помощью возможностей сравнительной и исторической фонетики того времени), но и отражал изменения в понимании значения знаков элементарной подсистемы звуковых знаков — так называемой алфавитной.

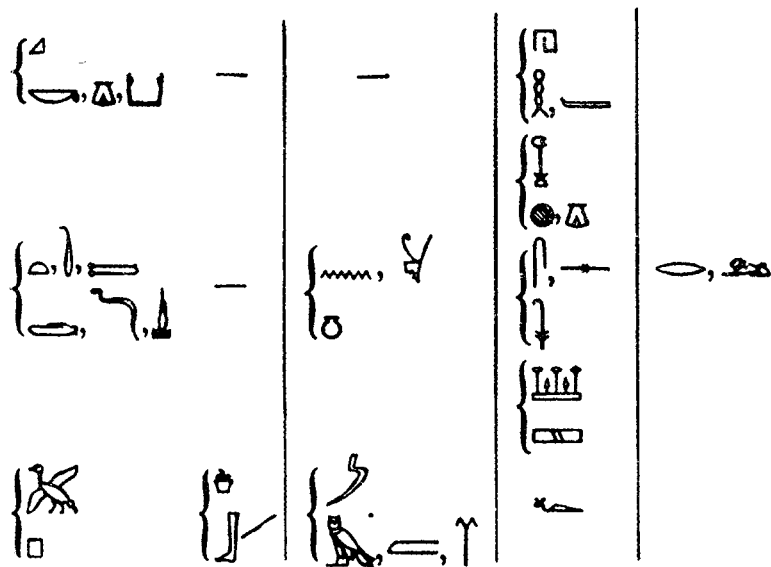
В нашу задачу не входит ни рассмотрение истории транслитерации<sup>36</sup>, ни установление значения отдельных звуковых знаков, так как мы исходим из тех правдоподобных допущений, которые в дальнейшем приняла классическая египтология. Напомним только, что Шампольон транслитерировал свой алфавит коптскими буквами, что явилось отражением тогдашних взглядов об идентичности коптской и древнеегипетской звуковой системы. Лепсиус, сведя египетский алфавит к 15 коптским знакам, тоже, естественно, длительное время передавал звуковые знаки коптскими буквами. Но под влиянием, без сомнения, утверждавшихся в середине прошлого века идей о родстве древнеегипетского языка с другими языками начинают возникать новые взгляды на состав и значение звуков египетского языка, что и отражается в транслитерации<sup>37</sup>.

Идея о способе передачи знаков египетского языка латинской транслитерацией возникла у многих (Х. Бунзен, 1848; Э. Хинкс, 1848; Р. Лепсиус, 1854; Т. Девериа, 1857, и др.), хотя еще долго некоторые египтологи упорно транслитерировали египетские тексты коптскими буквами (например, Ф. Шабá вплоть до 80-х гг.).

Но лишь Лепсиус в 1863 г. в связи с попыткой установить «стандартный» алфавит «для иностранных графических систем и бесписьменных языков» вводит международный алфавит и для транслитерации знаков египетского алфавита. Нет сомнений, что его транслитерация была шагом вперед по сравнению с другими попытками, так как с большой тщательностью отмечала разницу предполагаемых звуков египетского языка, выраженных в алфа-

<sup>36</sup> История транслитерации «героического» периода хорошо изложена в статье: F. Legge, The History of the Transliteration of Egyptian, — PSBA, vol. XXIV, 1902, p. 273—282.

<sup>37</sup> Можно отметить, например, что проблемой значения числа, порядка и транслитерации знаков египетского алфавита успешно занимался выдающийся ирландский ученый Э. Хинкс (1792—1866), известный, правда, больше как дешифровщик клинописи. При этом он привлекал семитологический и клинописный материал, что сыграло роль в решении проблемы (например, значение знака  $\text{—} \text{L}$  он определял как семитский 'аин, хотя обозначал через а). Любопытно, что знаки главных подсистем египетского письма он называет «идеоглифы» и «фоноглифы» (Ideoglyphs, Phonoglyphs) (E. Hincks, An Attempt to Ascertain the Number, Names and Powers of the Letters of the Hieroglyphic, an Ancient Egyptian Alphabet, grounded on the Establishment of a new Principle in the Use of Phonetic Characters, — «The Transaction of the Royal Irish Academy», vol. XXI, Dublin, 1848, Polite Literature, p. 132—232).



—	g, i, v, f	k	—	h	r (l)
	a	(k)	—	(h)	
	a (a)			x	
	a (a)	t	n	e	
	i	(t)	(n)	(e)	
	i (t, e)	p b	m	(t)	
	u	(p) (b)	(m)	f	
	u (u, of)				

Рис. 6. Древнеегипетский алфавит Р. Лепсиуса, 1863, в соответствии с его «стандартным алфавитом».

вите, с помощью всего 13 букв латинского алфавита и одной буквы греческого. Но она была и довольно громоздкой, ибо, чтобы обозначить 28 знаков египетского алфавита (по Лепсиусу) этими 14 знаками, пришлось ввести большое количество диакритических значков (см. рис. 6).

Это вызвало в дальнейшем естественное стремление облегчить транслитерацию, т. е. освободить ее от диакритических значков и передавать некоторые согласные комбинацией двух или более латинских букв. Но это не означало изменения общих представлений об алфавитной системе.

В целом же транслитерация Лепсиуса хорошо отражает взгляды египтологов 60-х гг. прошлого века на общий состав основной элементарной подсистемы звуковых знаков. У Лепсиуса из 28 знаков алфавита семь знаков передают гласные звуки, а остальные — согласные, хотя уже в это время высказываются мнения о консонантной природе некоторых знаков, которые считались знаками для гласных.

Не меньшее значение имела и гипотеза Лепсиуса о синлабическом происхождении египетского алфавита и определение им знаков этого алфавита, несмотря на весь его скептицизм по поводу значения звуковых знаков вообще. Это явилось импульсом для дальнейшего развития «фонетического направления».

Его последователи, занимаясь уточнением значения звуковых знаков, выделили из тех знаков, которые Шампольон интуитивно передавал не одним знаком, а Лепсиус отнес к «промежуточным», новый тип звуковых знаков — синлабические, т. е. знаки, которые, по их мнению, передавали сразу один, два и большее количество слогов.

Сначала, конечно, возникла эклектическая точка зрения, при которой паряду с синлабическими знаками утверждалось и наличие «промежуточных». Для 40—50-х гг. прошлого века характерна в этом отношении концепция прусского ученого Христиана Бунзена (1791—1860), который в своем огромном компилятивном труде «Место Египта в мировой истории» делит египетские иероглифы на три класса: понятийные (Begriffbilder), звуковые (Lautbilder) и смешанные (Mischbilder)<sup>38</sup>. Звуковые знаки он подразделяет на алфавитные (Buchstabenzeichen) и слоговые (Silbenzeichen). К последним Бунзен относит знаки, которые передавали два звука. В понятийных знаках он выделяет три вида: «пояснительные знаки», или детерминативы (Deutbilder, Determinativa); вещественные (Dingbilder) и смысловые (Sinnbilder). К «смешанным» знакам Бунзен относит те, которые «произошли из связи понятийных знаков с их фонетическим дополнением», и приводит в пример знаки, которые передавали три согласных.

Таким образом, представления Бунзена о структуре системы египетского письма можно свести к следующей схеме (рис. 7).

Если сравнить эту схему соподчиненных структур египетского письма по Бунзену со схемой по Лепсиусу (рис. 5), то виден некоторый шаг в сторону «фонетизации» представлений о египетском письме: четкое различие в подсистеме звуковых знаков элемен-

<sup>38</sup> Ch. C. B u n s e n, Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte, Buch I, Hamburg, 1845, S. 403—442, 646—694, pl. I—VIII.

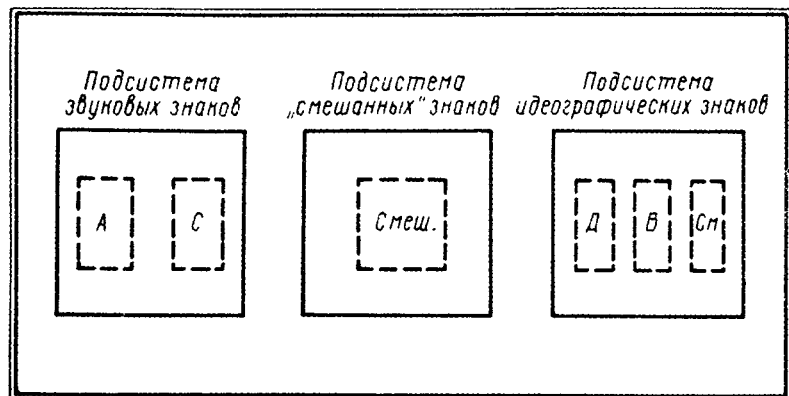


Рис. 7. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по Х. Бунзену, 1845

(А — элементарная подсистема алфавитных знаков; С — элементарная подсистема syllabic signs; Смеш. — элементарная подсистема «смешанных» знаков; Д — элементарная подсистема детерминативов; В — элементарная подсистема вещественных знаков; См. — элементарная подсистема смысловых знаков)

тарной подсистемы syllabic signs, т. е. разряд знаков, которые были причислены Лепсиусом к «промежуточным» («смешанным» — по Бунзену), а также исключение из «промежуточных» знаков детерминативов. Короче говоря, подсистема «промежуточных» знаков количественно сокращается.

Поворот в представлениях о «промежуточных» знаках в системе египетского письма связан с именем выдающегося английского египтолога Самуэля Бёрча (1813—1885).

В начале своей египтологической деятельности Бёрч придерживался в целом взглядов, распространенных в то время. Это видно по английскому переводу первого тома указанного выше сочинения Бунзена «Место Египта в мировой истории», изданному в Лондоне в 1848 г.<sup>39</sup>

В этом издании большая часть разделов о египетской грамматике и египетском письме, а также приложения — «Египетский словарь» и «Полный список иероглифических знаков» — были заново составлены Бёрчем. Особенно интересен последний список. Бёрч выделяет среди знаков прежде всего «собственно идеографы», или «вещественные» знаки (Ideographs proper, or Objectives). Таких знаков приводится 620. Далее следует перечень 164 «определяющих знака», или детерминативов (Determinative signs, Determinatives). Среди фонетических знаков Бёрч различает алфавитные (23 знака для древнего периода) и кроме этих «чисто фонетических знаков» 103 syllabic signs. «Так как

древнейшие египетские слова monosyllabic — пишет Бёрч, — т. е. слог и слово идентичны, то из этого следует, что почти все эти знаки (т. е. звуковые знаки) представляют собой слоги». Исходя из этой не совсем точной предпосылки и из господствовавшего тогда мнения, что египетское письмо передавало гласные, Бёрч и выделил более сотни «силлабических» знаков. Если же с современной точки зрения рассмотреть его syllabaries, то можно сделать вывод, что он составлен из тех знаков, которые передают два и три согласных. Среди двусогласных знаков большинство представляют знаки, передававшие в любом порядке слабый согласный и сильный согласный (типа  $\{b\}$ ,  $\{n\}$ ,  $\{w\}$ ,  $\{p\}$ ,  $\{s\}$ ,  $\{m\}$  и т. д.), а некоторые — даже два сильных согласных (типа  $\{r\}$ ,  $\{m\}$ ,  $\{h\}$  и т. д.). А среди трехсогласных знаков, которые можно найти в syllabaries Бёрча, встречаются такие, которые отражали два сильных и один слабый согласный в качестве первого или последнего согласного (типа  $\{hk\}$ ,  $\{hm\}$  и т. д.).

Выделил Бёрч и 56 «смешанных» знаков (Mixed signs). К ним он отнес иероглифические группы, главным элементом которых были идеографические знаки, принимавшие, как правило, полное или частичное звуковое дополнение (phonetic complement), так что часть слова выражалась фонетически.

Рассмотрение списка этих «главных элементов» показывает, что это не что иное, как знаки, которые потом были определены как двусогласные и трехсогласные (например,  $\{tp\}$ ,  $\{gm\}$ ,  $\{nd\}$ ,  $\{spr\}$ ,  $\{nfr\}$ ,  $\{nh\}$ ).

Таким образом, видно, что, несмотря на ряд ценных дополнений и уточнений, в это время Бёрч придерживается примерно той же концептуальной модели соподчинения структур системы и подсистем египетского письма, что и Бунзен.

В дальнейшем же у Бёрча произошли явные изменения в понимании структуры общей системы египетского письма: он отказался от признания «смешанных знаков» в качестве одного из классов египетских знаков. Но это произошло только через два десятилетия.

В своей «Иероглифической грамматике»<sup>40</sup> — самом полном и совершенном описании египетского языка после грамматики Шампольона — Бёрч все знаки египетского письма четко делит «в отношении к языку» (!) на две группы: фонетические и идеографические (Ideographs, Phonetics). При этом многие знаки, которые ранее относили к «промежуточным» или «смешанным», были отнесены к фонетическим.

Бёрч по-прежнему исходит из того, что «природа древнеегипетского языка была чисто syllabic» и что поэтому все фонетические знаки были, по сути дела, syllabic. По его

<sup>39</sup> Ch. C.-J. Bunsen, Egypt's Place in Universal History, vol. I, London, 1848.

<sup>40</sup> «Иероглифическая грамматика» и «Словарь» Бёрча были опубликованы в 5-м томе английского издания книги Бунзена «Место Египта в мировой истории» (Ch. C.-J. Bunsen, Egypt's Place in Universal History, vol. V, London, 1867).

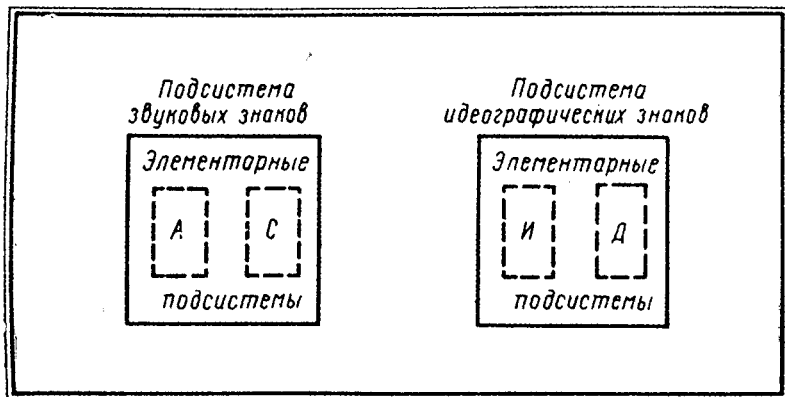


Рис. 8. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по С. Бёрчу, 1867

(А — элементарная подсистема алфавитных знаков; С — элементарная подсистема слллабических знаков; И — элементарная подсистема идеографических знаков; Д — элементарная подсистема детерминативов)

мнению, и «так называемые алфавитные знаки в действительности являются однослоговыми».

К слллабическим фонетическим знакам он относит также двуслоговые и трехсловые знаки, составленные из двух или более слогов. И хотя формально Бёрч пишет, что звуковые иероглифы «делятся на два класса, алфавитные и слллабические», его таблица знаков под названием «Алфавит» состоит только из слллабических знаков, которые он делит на «слллабические знаки, оканчивающиеся на гласный» (65 знаков), и «слллабические знаки, оканчивающиеся на согласный» (85 знаков).

Среди «идеографов» Бёрч по оттенкам значения насчитывает семь видов (прямые, косвенные, символические и т. д.) и как подотдел выделяет детерминативы.

Следует добавить, что Бёрч более склонен признавать значение звуковой стороны египетского письма, чем Лепсиус: «Каждое иероглифическое слово, — пишет Бёрч, — фактически состоит из двух частей; один или большее число иероглифов выражают его звуками, один иероглиф — его идею» (см. рис. 8).

Если С. Бёрч, по выражению его современников, был «отцом звуковой школы египетской филологии в этой стране» (т. е. в Англии), то во Франции великим продолжателем школы Шампольона явился Эммануил де Руже (1811—1872). Его влияние на все дальнейшее развитие египтологии можно сравнить лишь с влиянием Шампольона и Лепсиуса.

Свои взгляды на систему египетского письма де Руже изложил и практически применил в «Кратком курсе грамматики»<sup>41</sup>.

<sup>41</sup> См.: E. de Rougé, Chrestomatié-égyptienne, p. I, fasc. 1, Paris, 1867.

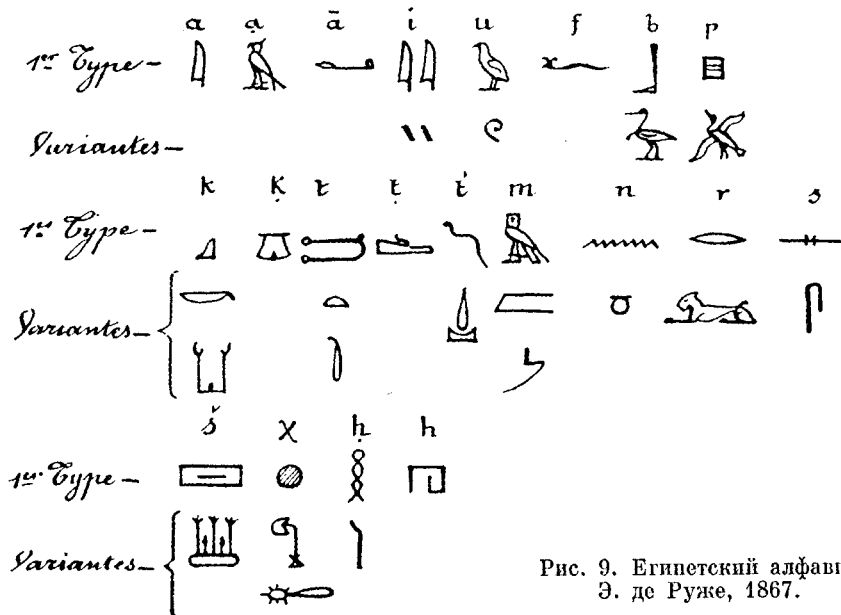


Рис. 9. Египетский алфавит Э. де Руже, 1867.

Идеографические знаки де Руже, как и Шампольон, разделяет на фигуративные и символические<sup>42</sup>. Но фактически он выделяет и детерминативы в отдельный класс идеографических знаков и дает в списке наиболее употребительных детерминативов 110 знаков<sup>43</sup>.

Среди фонетических знаков он четко различает алфавитные знаки, по его мнению передававшие один звук, и знаки, отражавшие слоги. Египетский алфавит де Руже состоял из 21 знака (с вариантами — 39), причем для транскрипции он применил в принципе систему «стандартного алфавита» Лепсиуса<sup>44</sup>, но с некоторыми изменениями<sup>45</sup>. Отдавая дань господствующим тогда взглядам, де Руже (как Лепсиус и Бёрч) среди алфавита находит знаки для гласных (см. рис. 9).

Слллабических знаков де Руже выделил более 300. Если рассмотреть его таблицы этих знаков, то можно убедиться в том, что это в основном те знаки, которые в дальнейшем были отнесены к двусогласным — важнейшей элементарной подсистеме наряду с «алфавитной».

Необходимо отметить, что, не выделяя в отдельную подсистему, де Руже описывает 15 знаков, которые передают три звука (trois

<sup>42</sup> Ibid., p. 14—15.

<sup>43</sup> Ibid., p. 121—131.

<sup>44</sup> Ibid., p. 20.

<sup>45</sup> E. de Rougé, Note sur la transcription des hiéroglyphes à M. R. Lepsius, — ZÄS, Jahrg. 4, 1866, p. 70.

Лефевр отдельно описывает вспомогательные средства письма (les auxiliaires de l'écriture), относя к ним «черточку» после словесных знаков и детерминативы (les déterminatifs), которые он определяет как идеограммы, помещенные после слова, написанного звуковым способом, чтобы «определить» смысл слова.

Эдель в своей грамматике языка времени Древнего царства тоже выделяет среди фонограмм три вида: дву- и трехсогласные (zwei- und dreikonsonantige Phonogramme) и односогласные (Einkonsonantige Phonogramme). В разделе об идеограммах Эдель их разделяет на два вида: идеограммы (Ideogramme oder Wortzeichen) и детерминативы (Determinative), а именно идеограммы, указывающие на понятие, к которому относилось слово.

Сандер-Хансен тоже выделяет среди звуковых знаков трехсогласные, двусогласные и односогласные знаки. К идеограммам он относит два вида знаков: словесные (Wortzeichen) и пояснительные знаки, детерминативы (Deutzeichen, Determinative).

Можно добавить к этому, что во всех указанных выше грамматиках отмечаются такие важные и видимые явления, относящиеся к области отношений между звуковыми знаками, как использование односогласных знаков в качестве фонетических дополнений к дву- и трехсогласным, а двусогласных — в качестве фонетических детерминативов<sup>90</sup>.

Подводя итоги деятельности «классического» периода в области определения систем и подсистем египетского письма и сравнивая их с результатами «героического» периода, можно смело сказать, что за сравнительно короткий срок произошел решительный сдвиг в понимании внешней формы организации систем и подсистем, в особенности звуковых знаков.

Правда, этот сдвиг менее всего коснулся уточнения ведущего принципа общей системы. До настоящего времени не существует единого мнения о том, что являлось главным, центральным (не обязательно первичным) в этом письме, т. е. какая подсистема играла доминирующую роль. Несмотря на то что большинство египтологов утверждает, что это — пиктографическое письмо, дополненное фонетическими элементами, нам представляется, что чаша весов все же стала склоняться в сторону «фонетического» начала, хотя бы в связи с выявлением третьей элементарной подсистемы звуковых знаков (трехсогласных) и тем самым отторжением значительного количества знаков от идеографических.

Переходя к рассмотрению общих взглядов «классического» периода на структуру подсистемы идеографических знаков,

<sup>90</sup> Для полноты нашего обзора следует упомянуть, что взгляды Г. Энглунд, автора небольшой грамматики египетского языка, несколько, видимо, отличаются от только что указанных. Среди фонограмм она различает «алфавитные знаки, каждый из которых изображает фонему», и «силлабические знаки, содержащие две или три фонемы». Причины, по которым автор называет дву- и трехсогласные знаки «силлабическими», не указаны (G. Englund, Introduction a l'Égyptien pharaonique, Stockholm, 1969, p. 8).

можно отметить, что в этой области представления несколько изменились, и не только за счет уменьшения значения идеограмм в связи с выделением из них трехсогласных знаков. Отвлекаясь от терминологических различий, все же можно утверждать, что в целом система идеограмм представляется по-иному, чем в конце прошлого периода, когда ее структура была сведена к двум типам детерминативов (Бругш, Ле Паж Ренуф). После статьи Зете (1908) стало преобладать мнение о наличии среди идеограмм двух типов знаков (по Зете — Wortzeichen, Deutzeichen): собственно идеограмм и детерминативов. Следовательно, в какой-то мере пришлось вернуться к Шампольону, который выделял именно идеограммы (изобразительные и символические знаки), а детерминативы считал лишь функцией идеограмм. Как мы видим, многие египтологи относят детерминативы к специальному классу идеограмм (т. е. к особой элементарной подсистеме) и делят их на две группы по значению, но продолжает существовать мнение, что это не особый класс знаков, а функция идеограмм. Такая неопределенность не случайна, без сомнения, и вызвана тем, что речь идет не о звуковых, а о семантических единицах. Единообразного и четкого выделения элементарных подсистем идеографических знаков не существует. Вслед за Зете в последнем издании своей грамматики Эрман рассматривает две элементарные подсистемы: «словесные знаки» и детерминативы. Эдель в грамматике староегипетского языка тоже описывает идеограммы, или словесные знаки, и детерминативы, хотя о последних он говорит как об идеограммах, используемых как знаки-понятия. Сандер-Хансен без всяких оговорок твердо различает среди идеограмм словесные знаки и пояснительные знаки (детерминативы).

Однако Лефевр, следуя традиции французской египтологической школы, среди идеограмм выделяет две группы: «чистые» идеограммы, или словесные знаки, и символические обозначения, но детерминативы считает функцией идеограмм (l'idéogramme dans l'emploi de déterminatif).

Как мы видели выше, Гардинер среди идеограмм, или смысловых знаков, различал два подвида, не выделяя их, впрочем, в самостоятельные единицы. То же самое относится и к детерминативам. Среди них Гардинер особое внимание уделяет родовым детерминативам (generic determinatives), что является продолжением линии Бругша — Ле Паж Ренуфа, но тоже четко не подразделяет детерминативы на два класса.

В противоположность этому понимание структуры системы звуковых знаков резко изменилось и установилось полное единство взглядов.

Если в «героический» период подсистема звуковых знаков сводилась к двум типам знаков (алфавитным и слоговым), то в «классический» период твердо установился взгляд на ее трехтипную консонантную структуру (односогласные, двусогласные, трехсогласные знаки), т. е. внешняя форма организации звуковых

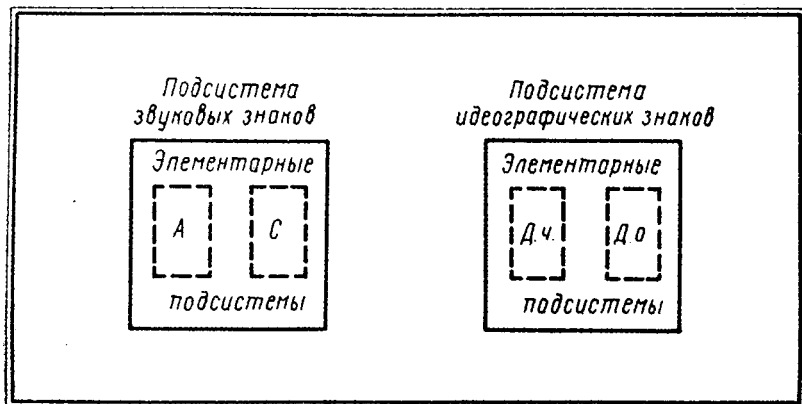


Рис. 12. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по Г. Бругшу, 1872

(А — элементарная подсистема алфавитных знаков; С — элементарная подсистема syllabических знаков; Д. ч. — элементарная подсистема видовых детерминативов; Д. о. — элементарная подсистема общих детерминативов)

передавались гласными, хотя и признавалось, что транскрипция двух из них (𓀀 и 𓀁) гласными не соответствует действительности. Среди согласных два знака транслитерировались греческими буквами (см. рис. 13).

Этот «законодательный» (а не исследовательский) путь решения вопроса об одной из элементарных подсистем египетской системы письма и знаменует собой конец «героического» периода.

Таким образом, результатом более чем пятидесятилетнего «героического» периода в области изучения системы египетского письма с момента установления общего фонетико-идеографического характера этой системы явились некоторые представления о системе и подсистемах египетского письма, отсутствовавшие до этого.

Что касается общей системы египетского письма, то утвердился твердый взгляд на ее фонетико-идеографический характер. Однако все еще существуют колебания, какое начало считать основным, ведущим: фонетическое или идеографическое. Намечены и основные структурные отношения и связи; например, один и тот же знак может выступать и как фонетический, и как идеографический или идеографические знаки выступают как детерминативы в слове, написанном звуковым способом.

Подсистема идеографических знаков структурно рассматривается состоящей из детерминативов двух типов: видовых (частных) и родовых (общих). Фигуративные знаки (пиктограммы) не выделяются в отдельный вид идеограмм. Соответствующие таблицы знаков показывают определенные представления о струк-

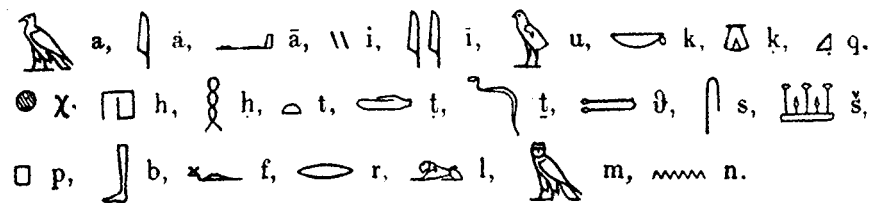


Рис. 13. Египетский алфавит, утвержденный на II Конгрессе востоковедов в Лондоне в 1874 г.

турных отношениях между видовыми и родовыми детерминативами, так как один и тот же знак мог выступать и в том и в другом качестве. Таким образом, представление об элементарных подсистемах идеографических знаков было сведено к двум группам детерминативов, а вопрос о других видах идеограмм остался открытым.

Что касается подсистемы звуковых знаков, то укрепилось представление о том, что ее структура сводится к двум типам звуковых знаков — алфавитным и syllabическим. Сомнений в syllabическом происхождении знаков алфавита и syllabическом характере остальных звуковых знаков нет, но появляется намек на чисто фонетическое употребление тех знаков, которые передавали слова, содержащие три согласных.

Складывается и определенное представление о структурных отношениях и связях между звуковыми знаками, например об использовании алфавитных знаков как фонетических дополнений.

В целом «героический» период характеризуется совершенно определенным пониманием структуры и структурных отношений, т. е. внешней формы организации звуковых знаков.

Понимание структур элементарных подсистем звуковых знаков, т. е. подсистем, в которых каждый из элементов является конечным и не представляет системы, а является неделимым блоком, еще не устоялось. Так называемый алфавит был сокращен, но количество его элементов — знаков алфавита было еще точно не определено (от 27 до 23). Считалось, что среди них было от шести до четырех знаков, передающих гласные звуки. Нечетко было установлено условное звуковое соответствие многих знаков алфавита, что отражалось в транслитерации.

Наличие еще одной элементарной подсистемы звуковых знаков кроме «алфавитной» не вызывало сомнений, но определение ее как syllabической являлось чистым предположением, довольно правдоподобным, но не доказанным.

Следовательно, если в «героический» период была завершена дешифровка иероглифического и других видов письма, что успешно применялось при практическом использовании огромного материала письменных источников, то решительного скачка в тео-

ретическом понимании системы египетского письма, точнее, его звуковой и идеографической подсистемы и элементарных подсистем еще не произошло.

#### ОТ «ГЕРОИКИ» К «КЛАССИКЕ»

После 1874 г., когда без достаточно обоснованных доводов были утверждены состав и звуковое значение исходной для транслитерации «алфавитной» подсистемы, которая включала знаки, передававшие якобы гласные, лет на пятнадцать в этой области египтологии наступило некоторое затишье, которое знаменовало собой переходный период к новому скачку. Вполне возможно, что этот временный спад интереса к проблемам письма был вызван необыкновенными успехами египетской археологии в третьей четверти XIX в., связанными прежде всего с именем Огюста Мариэтта и потребовавшими практической обработки материала раскопок.

Это затишье, однако, носило весьма условный характер, так как крупнейшие египтологи 70—90-х гг., имевшие дело с письменными памятниками, продолжали интересоваться проблемами системы египетского письма, и прежде всего его исходным элементом — «алфавитом». Но самое главное, что бросается в глаза, — это неуверенность (если не сказать негативность) в правильности решения Лондонского конгресса. В этом отношении характерно, что участник этого конгресса английский египтолог Питер Ле Паж Ренуф (1822—1897) в своей превосходной «Элементарной грамматике древнеегипетского языка»<sup>52</sup>, изданной через год после конгресса, не склонен придерживаться его постановления. Так, к чисто «алфавитным» знакам он относит 23 знака, из которых пять знаков он считает передающими гласные (см. рис. 14).

Представляется важным, что в своей грамматике он четко выделяет важную в структурном отношении деталь, а именно что алфавитные знаки играют весьма существенную роль как сопроводители силлабических знаков, т. е. как «звуковые дополнения» (phonetic complements).

Так же как и Бругш, Ле Паж Ренуф под идеографическими знаками (ideo-graphic signs) подразумевает детерминативы и делит их на два вида: идеограммы (ideograms) и родовые детерминативы (generic determinatives).

Как пример продолжающегося теоретического интереса к вопросам письма можно привести доклад о происхождении некоторых знаков алфавита тогда еще начинающего русского египтолога В. С. Голенищева (1856—1947), который был им сделан на

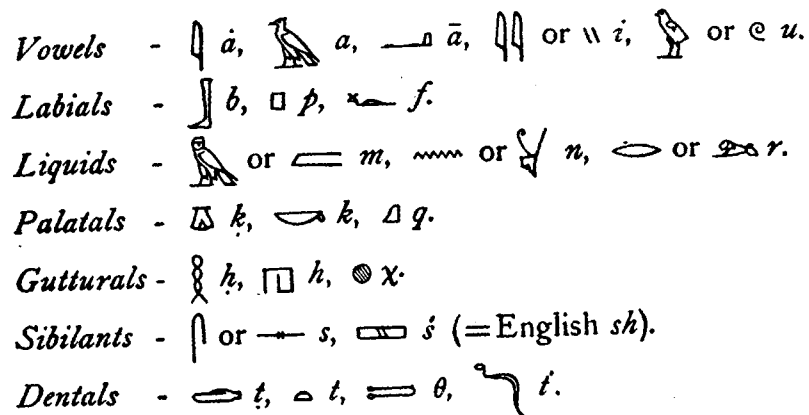


Рис. 14. Египетский алфавит П. Ле Паж Ренуфа, 1875.

VI Конгрессе востоковедов в Лейдене (1883)<sup>53</sup>. В. С. Голенищев выступил против акрофонической теории происхождения алфавитных знаков, ведущей свое начало от Шампольона, т. е. против теории возникновения таких знаков от начального звука слова, изображенного иероглифом. В. С. Голенищев высказывает точку зрения, что «алфавитное значение могли получать только те знаки, которые, являясь первоначально идеограммами, имели название, состоявшее из согласных с последующей или предшествующей гласной». Эта точка зрения была тогда принята большинством египтологов<sup>54</sup>. Как видно, речь здесь идет, по сути дела, о происхождении знаков алфавита из слов, состоявших из одного слога, т. е. о его силлабическом происхождении.

Другие выдающиеся египтологи того времени (Ф. Росси, Г. Масперо, В. Лоре, Ф. Питри), судя по их транслитерациям знаков алфавита, придерживались на структуру алфавита точки зрения, сходной с точкой зрения Ле Паж Ренуфа. Небольшая разница состояла лишь в количестве знаков, определяемых как алфавитные, и в их транслитерации (использовании добавочных диакритических значков и т. п.)<sup>55</sup>.

До конца 80-х гг. подобная точка зрения на состав элементарной подсистемы алфавитных знаков была широко распространена. Например, французский египтолог Виктор Лоре пишет в своем

<sup>53</sup> W. Golénisheff, Sur l'origine alphabétique de certains hiéroglyphes. Tiré du vol. II des Travaux de la 6<sup>e</sup> section du Congrès international des Orientalistes à Leide, Leide, 1884.

<sup>54</sup> Как потом оказалось (это В. С. Голенищев отметил в специальной заметке), подобную точку зрения высказал ранее С. Бёрч в 1857 г., но тогда на это не было обращено внимания.

<sup>55</sup> F. Legge, The History of the Transliteration of Egyptian, p. 277—279.

<sup>52</sup> P. Le Page Renouf, An Elementary Grammar of the Ancient Egyptian Language, London, 1875.

«Учебнике египетского языка», что среди алфавитных знаков (21) были знаки для пяти гласных<sup>56</sup>.

Но самое примечательное, что именно в этот период созревают взгляды основоположника следующего «классического» периода выдающегося немецкого египтолога Адольфа Эрмана (1854—1937).

Успехи самого Эрмана, а в дальнейшем и его школы были связаны с применением строгих научных методов в изучении египетского языка, точнее, языков. Эрман смог обобщить накопленный в предыдущие периоды языковой материал огромного количества египетских текстов и определить основные этапы развития египетского языка. Применяв точные лингвистические методы и достижения классической филологии и семитологии, он начал новую эпоху в изучении древнеегипетских языков.

Естественно, что его наблюдения отразились и на представлениях о системе египетского письма, так как потребовали отказа от многих предубеждений «героического» и «переходного» периодов. Но в начале своей научной деятельности Эрман строго придерживался взглядов своего времени. Об этом свидетельствует, например, его «Новоегипетская грамматика» (1880), в «Предисловии» к которой он по вопросам египетского письма ссылается на Бругша и Ле Паж Ренуфа<sup>57</sup>, а сам применяет принятую транскрипцию с передачей гласных.

Однако в связи с расширением представлений о родстве египетского языка с другими языками, в частности с семитскими, появляются новые тенденции в объяснении особенностей системы египетского письма.

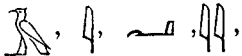
О родстве египетского языка с семитскими высказывались предположения еще до дешифровки иероглифов (И. Росси, 1808). А после дешифровки к этому относятся как к неоспоримому факту (Т. Бенфей, 1844; Х. Бунзен, 1867; Г. Бругш, 1867; Л. Штерн, 1880 и др.)<sup>58</sup>.

Естественно, что после сокращения числа знаков египетского алфавита до вполне естественного и легкообозримого количества знаков начинают высказываться мнения о возможном сходстве этого алфавита с семитскими (древнееврейским, арабским) в основном принципе: отсутствии буквенных знаков для обозначения гласных. Как мы отметили выше, Хинкс в 1848 г. и Бругш в 1857 г. высказали мысль, что некоторые знаки египетского алфавита, которые, по господствующему тогда мнению, передавали гласные, на самом деле имели консонантную природу. Последнее в какой-то мере было отмечено в протоколе Лондонского конгресса востоковедов в 1874 г., но не отразилось на принятой транскрипции.

<sup>56</sup> V. Loret, Manuel de la langue égyptienne, Paris, 1883, p. 3—4.

<sup>57</sup> A. Erman, Neuaegyptische Grammatik, Leipzig, 1880, S. IX.

<sup>58</sup> Окончательный итог подвел позднее А. Эрман в своей работе: A. Erman, Das Verhältniss des Aegyptischen zu den semitischen Sprachen, — ZDMG, Bd 46, 1892, S. 93—129.

Например, за знаками , признается значение знаков для гласных.

И лишь к концу 80-х гг., т. е. к концу переходного периода от «героического» к «классическому», начинает складываться твердое убеждение, что, подобно семитским системам письма, египетское письмо не отражало гласных звуков, а те знаки алфавита, о которых думали, что они передают гласные, на самом деле являлись знаками для согласных и полусогласных.

#### «КЛАССИЧЕСКИЙ» ПЕРИОД

В 1889 г. в «Журнале египетского языка и древностей», который в то время редактировали Бругш и Эрман, была опубликована редакционная статья о транслитерации алфавитных знаков<sup>59</sup>. Эта статья явилась результатом отказа от привычного убеждения, и в ней констатировалось, что способ передачи значения алфавитных знаков, введенный в 1874 г., не соответствует состоянию науки. В статье предлагался алфавит из 24 знаков, среди которых не было знаков для гласных<sup>60</sup> (см. рис. 15).

В дальнейшем Г. Штейндорф посвятил специальную работу<sup>61</sup> установлению соответствия этих 24 знаков древнеегипетского алфавита семитским (древнееврейским и арабским) буквам<sup>62</sup>.

Таким образом, указанная выше редакционная статья начинает новый период в изучении системы египетского письма, период «классический», который знаменовал собой прежде всего установление структуры подсистемы звуковых знаков и выводы которого являются типичными и характерными на протяжении многих десятилетий вплоть до настоящего времени.

Сам Эрман немедленно стал использовать новую транслитерацию в своих работах в том же номере упомянутого журнала, а затем и в своем исследовании языка папируса Весткар<sup>63</sup>, являвшемся подготовительной работой к грамматике среднеегипет-

<sup>59</sup> «Zur Umschreibung der Hieroglyphen». Von der Redaction, — ZÄS, 1889, Bd XXVII, H. 1, S. 1—4.

<sup>60</sup> См. также статью А. Эрмана: A. Erman, Die Umschreibung des Ägyptischen, — ZÄS, 1896, Bd XXXIV, H. 2, S. 51—62.

<sup>61</sup> G. Steindorff, Das altägyptische Alphabet und seine Umschreibung, — ZDMG, Bd 46, 1892, S. 709—730.

<sup>62</sup> Хотя, конечно, нет и не может быть уверенности не только в точном, но даже в приблизительном соответствии многих египетских согласных семитским, так как при установлении значения знаков алфавита совершенно не учитывалась фонологическая система хамитских языков, для нас в данной работе это не имеет значения, так как мы рассматриваем знаки транслитерации лишь как индексы.

<sup>63</sup> A. Erman, Die Sprache des papyrus Westcar. Eine Vorarbeit zum Grammatik der älteren ägyptischen Sprache, — «Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Bd 36, Hist.-phil. Klasse, 1889, S. 3—158.



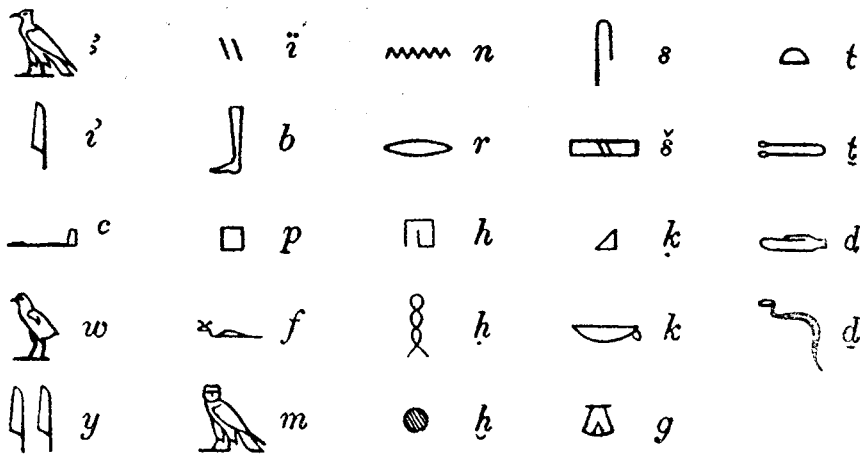


Рис. 15. Консонантный египетский алфавит, окончательно установленный в 1889 г.

ского языка, и, наконец, в 1894 г. в первом издании «Египетской грамматики»<sup>64</sup>.

Таким образом, одна из элементарных подсистем звуковых знаков, передававших только консонанты, подсистема, исходная для определения звукового состава других знаков, была установлена примерно через 70 лет после определения общей системы египетского письма как фонетико-идеографического. Была определена внешняя форма организации этой подсистемы, т. е. структура, и условное качество блоков — звуковых знаков, ее составляющих. Для удобства им был придан определенный порядок.

Но проблема внешней формы организации всей подсистемы звуковых знаков была еще далека от разрешения, так как не был решен вопрос о других элементарных подсистемах звуковых знаков.

Судя по «Египетской грамматике», система египетского письма в целом представлялась Эрману состоящей из трех классов знаков: фонетических (алфавитных и силлабических), словесных и детерминативов.

О том, как Эрман представлял элементарную подсистему алфавитных знаков, мы говорили выше<sup>65</sup>.

<sup>64</sup> А. Ерман, *Ägyptische Grammatik*, Berlin, 1894.

<sup>65</sup> К этому лишь можно добавить, что консонантный алфавит Эрмана получил признание не сразу и не у всех египтологов. Так, например, крупнейшие английские египтологи В. Бэджд (E. A. W. Budge) и Ф. Питри (W. M. Fl. Petrie) конца прошлого, начала нашего века применяют транслитерацию с передачей «гласных», а некоторые согласные передают двумя буквами латинского алфавита. Сомнительно, что это вызывалось лишь одними соображениями «удобства» чтения. По всей вероятности, они не отдали должного

Что же касается знаков, которые Эрман относит к слоговым, то, считая их чисто фонетическими, он полагает, что они произошли из так называемых словесных знаков (см. ниже), и приводит в пример знаки, консонантный состав которых передавал одновременно два и три консонанта (типа *mr*, *mn*, *mrh*).

При этом следует отметить, что Эрман пытается некоторые наиболее часто встречающиеся «слоговые» знаки с } (13 знаков) и *w* (7 знаков) в качестве второго согласного сгруппировать с целью лучшего запоминания в алфавитном порядке по первому согласному<sup>66</sup>. Для Эрмана это было, без сомнения, чисто академическим делом, но мы видим в этом первую (может быть, и неосознанную) попытку классифицировать знаки другой (по отношению к алфавитной) подсистемы и найти систему отсчета знаков.

Под словесными знаками (Wortzeichen) Эрман подразумевает те знаки, «которые изображают отдельное слово, а также очень часто употребляются для другого слова, которое имеет те же согласные, что и первое»<sup>67</sup>, т. е., иными словами, он включает в эту группу и идеографические и звуковые знаки, передающие два и три согласных. Из этой же группы, как мы указывали выше, он выводит происхождение «чисто фонетических» слоговых знаков<sup>68</sup>. Как видно, группа «словесных знаков» Эрмана по своей неопределенности очень напоминает «промежуточные знаки» Лепсиуса и «смешанные» Бёрча.

Наконец, к последнему виду знаков Эрман относит два вида детерминативов, которые в целом он считает почему-то «самой молодой частью» египетского письма. Один вид, по Эрману, включает знаки, изображающие предмет, название которого до этого написано звуковым способом (*Speciellere*), а другой — знаки, передающие общий смысл слова (*Allgemeinere*).

Таким образом, представления Эрмана о системе египетского письма в конце прошлого века схематически можно изобразить так (рис. 16).

Нет необходимости доказывать, что, за исключением представления об элементарной алфавитной подсистеме, взгляды Эрмана на общее строение системы египетского письма особой четкостью не отличались. Это касается особенно так называемых силлабических знаков. Действительно, если среди знаков, передававших один звук, не было знаков для гласных, то можно ли

принципиально важному открытию Эрмана, установившему исходную, элементарную подсистему звуковых знаков, и в этой области не вышли из «переходного» периода.

Как курьез поэтому можно воспринять транслитерацию, принятую Г. Готье в «Словаре египетских географических названий», изданном в конце 20-х гг., так как она является смесью транслитерации В. Лоре и Ф. Питри (H. Gauthier, *Dictionnaire des noms géographiques*, t. I—VI, Le Caire, 1925—1931).

<sup>66</sup> А. Ерман, *Ägyptische Grammatik*, S. 12.

<sup>67</sup> *Ibid.*, S. 5.

<sup>68</sup> *Ibid.*, S. 15.

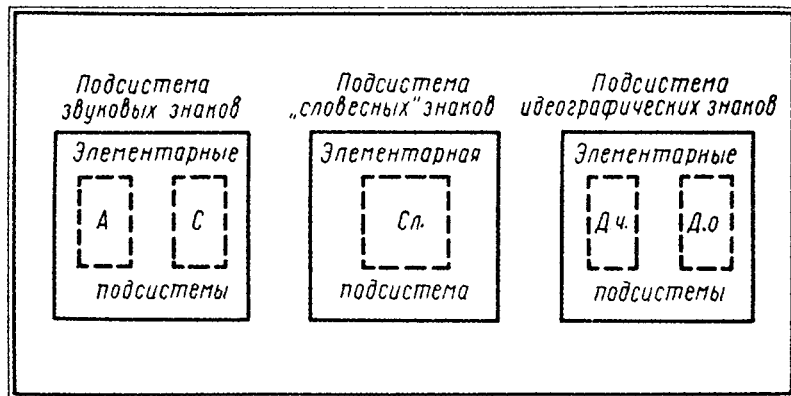


Рис. 16. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по А. Эрману, 1894

(А — элементарная подсистема алфавитных знаков; С — элементарная подсистема слоговых знаков; Сл. — элементарная подсистема «словесных» знаков; Д. ч. — элементарная подсистема частных детерминативов; Д. о. — элементарная подсистема общих детерминативов.

было столь уверенно определять знаки, отражавшие два звука, как слоговые? Ведь последнее необходимо предполагает передачу гласных. . .

И все же определение количества и качества знаков одной, но исходной подсистемы необходимо должно было отразиться на изменении представлений о природе и всех остальных звуковых знаков. По иронии судьбы это менее всего коснулось самого Эрмана. Он и во втором издании «Египетской грамматики» в 1902 г. все еще придерживается указанных выше взглядов, хотя именно его могла бы насторожить небольшая, но чрезвычайно интересная статья выдающегося английского египтолога Фрэнсиса Гриффиса (1862—1934) о системе древнеегипетского письма, опубликованная в 1900 г.<sup>69</sup> В целом концептуальная модель Гриффиса сходна с моделью Эрмана. Среди знаков египетского письма он различает фонограммы и идеографические знаки — слова и детерминативы. Но представление о качестве звуковых знаков у Гриффиса иное и более последовательное, чем у Эрмана.

Среди фонограмм Гриффис различает знаки, «изображающие», — как он говорит, — одиночные звуки, которые мы можем назвать алфавитными или однобуквенными (unilateral), и «изображающие два звука, которые мы можем назвать двубуквенными (biliteral) или «силлабическими» (syllabic)»<sup>70</sup>. Нет сомнения, что под не очень удачными терминами «однобуквенные» и «двубуквенные» знаки

Гриффис совершенно определенно подразумевает одногласные и двугласные знаки. В этой связи весьма примечательно, что Гриффис берет слово «силлабические» в кавычки, т. е. не считает их таковыми. Действительно, описывая ниже для примера один такой знак (*тл*), он называет его «передающим корневые согласные» (radical consonants). Гриффис высказывает интересное соображение и в отношении третьего вида звуковых знаков — знаков-слов. Он пишет: «Так как египетские корни редко превышали три буквы, было мало необходимости в словах-знаках более чем в три буквы, а в фонограммах более чем в две. Имеется, однако, одна фонограмма неясного происхождения, употребляемая только для грамматического окончания, которая, возможно, содержит три согласных (three consonants), а именно орел — *tjw*»<sup>71</sup>.

Из этого видно, что в самом начале нашего века Гриффис находился буквально на пороге большого открытия, но не сделал решительного шага в отношении четкого выделения всех элементарных подсистем звуковых знаков. Это, пожалуй, еще более поразительно, чем нечеткие представления Томаса Юнга об общем характере египетского письма в начале прошлого века. Как мы отмечали, Юнг тоже стоял на пороге великого открытия, но его представления о системе письма помешали ему дешифровать иероглифы.

Необходимую ясность внес Курт Зете (1869—1934) — гениальный ученик Эрмана. В 1902 г. в небольшом письме по поводу транслитерации египетских знаков Зете отметил, что египетское письмо употреблялось только для того, чтобы отмечать согласные, но не гласные<sup>72</sup>. Не пользуясь вообще термином «слоговые», или «силлабические», знаки, Зете приводит в качестве основного свидетельства этого игнорирования гласных именно те знаки, которые ранее называли слоговыми или слоговыми, т. е. те, которые передавали два согласных, следовавших непосредственно один за другим или отделявшихся гласным, судя по коптским словам различной вокализации.

Таким образом, понятие «силлабические» знаки потеряло свой смысл.

Но окончательный итог Зете подвел в 1908 г. в статье «К форме учения о египетском письме»<sup>73</sup>, которая явилась основополагающей работой для всего «классического» периода. В разделе об «алфавитных знаках» Зете без всяких сомнений определяет последние как *один согласный* (einkonsonantige) фонетические знаки, получившие свое звуковое значение от одно-

<sup>71</sup> Ibid., p. 157.

<sup>72</sup> K. Sethe, The Transliteration of Egyptian, — PSBA, vol. XXIV, 1902, p. 355—357.

<sup>73</sup> K. Sethe, Zur Reform der ägyptischen Schriftlehre, — ZÄS, Bd 45, 1908, S. 36—43.

согласных слов (а не слогов!), которые они изображали и которые имели те же согласные.

Говоря о тех знаках, которые определялись до этого как «силлабические», Зете, развивая свой взгляд, высказанный в 1902 г., определяет их как *д в у с о г л а с н ы е* (zweikonsonantige) фонетические знаки, которые обозначали определенные консонантные пары при различных отношениях вокализации. Зете решительно утверждает, что «обозначение „слоговые знаки“ бессмысленно», тем более что к этому времени «силлабическим письмом» в египтологии стали называть совершенно иное явление, а именно «групповое письмо», в котором использовались некоторые египетские слова, состоящие из согласного и следующего за ним слабого согласного, как видимость слога для передачи чужеземных слов и некоторых египетских слов, не имевших традиционного написания.

Итак, сущность второй элементарной подсистемы звуковых знаков была установлена более чем через 80 лет после определения Шампольоном общего фонетико-идеографического характера египетского письма.

Одновременно для Зете стала ясна и третья элементарная подсистема звуковых знаков, так как у него полностью изменилось представление о той группе знаков, которые Эрман называл «словесными знаками». В эту группу включались самые разнообразные знаки, как полностью идеографические, т. е. изображавшие сам предмет, и знаки конкретных предметов для изображения отвлеченных понятий, так и словесные знаки, которые употреблялись для написания трехсогласных слов, имевших те же согласные (по Э. де Руже, «mots comprenant trois articulations»).

Эти знаки Зете считает не словесными, а такими же звуковыми, как односогласные и двусогласные, т. е. выводит их из разряда «словесных знаков». «Правильно, — пишет по этому поводу Зете, — говорить здесь о корневых знаках (Stammzeichen) или, еще лучше, просто о трехсогласных знаках (Dreikonsonantenzeichen)»<sup>74</sup>.

Что касается детерминативов, то Зете считает, что Эрман был прав лишь отчасти, назвав их «самой молодой частью египетских письменных знаков». Действительно, детерминативы с общим значением появились лишь между Древним и Средним царствами, так как ранее имели специальное значение. Но детерминативы, употреблявшиеся символически, т. е. изображавшие само понятие, относятся к тем древним временам, когда письмо было чисто картинным или смысловым. Во многих словах фонетическая часть слова — лишь добавление для различения слов, а их детерминативы — идеографические словесные знаки, которые действительно заслуживают это название. Эти истинно словесные знаки

могли писаться и без фонетического раскрытия, но в последнем случае они сопровождались либо окончанием женского рода *-t*, либо знаком «черточки». Таким образом, по Зете, детерминативы делятся на два вида: «действительные детерминативы», которые только намекали на значение слова, и «мнимые детерминативы», которые прямо указывали на значение слова и были, по сути дела, древними словесными знаками.

Из этого обозрения видно, что взгляды Зете на систему египетского письма существенно отличались от представлений Эрмана. Все знаки Зете подразделяет не на три класса, а только на два, т. е. на две главные подсистемы:

- 1) идеографические (ideographische Zeichen);
- 2) фонетические (phonetische Zeichen).

Подсистему идеографических знаков Зете делит на две элементарные подсистемы:

а) словесные знаки (Wortzeichen), которые обозначали само слово, или символические. В эту элементарную подсистему Зете включил частично то, что Эрман называл «словесными знаками», частично детерминативы и даже знаки, которые до этого считались звуковыми. Их характерной чертой являлось сопровождение знаком «черточки». Но Зете при этом изъял из «словесных знаков» те, которые он назвал трехсогласными знаками;

б) пояснительные знаки (Deutzeichen), которые намекали на категорию, к которой относилось данное слово. Как мы видим, в этой элементарной подсистеме Зете оставил только те детерминативы, которые Эрман называл общими.

Фонетические знаки Зете делит на три поддела (элементарные подсистемы):

а) односогласные (eikonsonantige), или знаки для звуков (Lautzeichen), т. е. тот консонантный «алфавит», который установил Эрман;

б) двусогласные (zweikonsonantige), т. е. те, которые раньше считались «силлабическими» и частично «словесными»;

в) трехсогласные (dreikonsonantige), т. е. те звуковые знаки, которые раньше включали в группу «словесных знаков».

Следовательно, концептуальная модель структуры системы звуковых знаков, по Зете, сводится к следующей схеме (рис. 17).

Чрезвычайно четкая и убедительная концепция Зете внешней формы организации египетского письма не сразу была принята в египтологии.

Эрман в третьем издании своей «Грамматики»<sup>75</sup> в 1911 г. внес лишь незначительные изменения в раздел о египетском письме по сравнению с предыдущим изданием (1902). Но какие-то изменения в представлениях самого Эрмана несомненно произошли. Они потеряли прежнюю четкость. В новом издании

<sup>75</sup> A. E r m a n, Ägyptische Grammatik. Dritte völlig umgestaltete Auflage, Berlin, 1911.

<sup>74</sup> Ibid., S. 41.

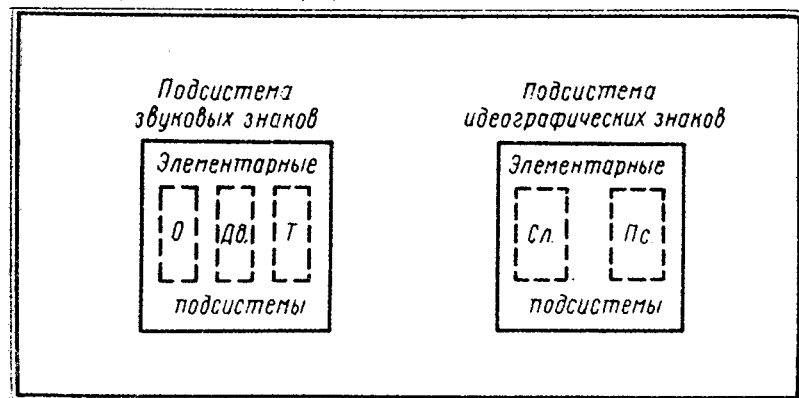


Рис. 17. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по К. Зете, 1908

(О — элементарная подсистема одногласных, или «алфавитных», знаков; Дв — элементарная подсистема двусогласных знаков; Т — элементарная подсистема трехгласных знаков; Сл. — элементарная подсистема словесных знаков; Пс. — элементарная подсистема пояснительных знаков-детерминативов)

вообще отсутствует параграф о делении знаков на три класса (фонетические, словесные, детерминативы). Но, видимо, изменение во взглядах Эрмана коснулось тех знаков, которые он раньше считал слоговыми. Под влиянием, без сомнения, взглядов Зете он их теперь считает «словесными знаками, которые стали фонетическими (так называемыми слоговыми знаками)». Он упоминает, что это двусогласные знаки, но оставляет за ними прежнее традиционное название — «слоговые». Деления фонетических знаков на три поддела (элементарные подсистемы), предложенного Зете, Эрман не принял. У него по-прежнему не выделены трехгласные знаки из «словесных» и вообще отсутствует новая терминология (т. е. одногласные, двусогласные, трехгласные знаки). Такое же внутреннее неприятие новых взглядов распространяется и на остальные классы знаков.

Следует сказать, что вообще взгляды Зете на систему египетского письма распространялись медленно, хотя он их пропагандирует в своих работах, например в «Происхождении алфавита»<sup>76</sup> и «Иероглифической системе письма»<sup>77</sup>. Научно-популярные работы, изданные к 100-летию со дня дешифровки иероглифов Шампольоном (т. е. в 1922—1923 гг.) многими египтологами и во многих странах, не показывают существенного прогресса

<sup>76</sup> K. Sethe, Der Ursprung des Alphabets, — «Nachrichten von der kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Geschäftliche Mitteilungen, 1916», Н. 2, Berlin, 1917, S. 88—161.

<sup>77</sup> K. Sethe, Das hieroglyphisch Schriftsystem, — «Leipziger ägyptologische Studien», Н. 3, Glückstadt und Hamburg, 1935.

в уточнении представлений о системе египетской письменности. В этом отношении можно считать характерными превосходные книги Г. Сога и Э. Дриотона «Введение в изучение иероглифов»<sup>78</sup> и А. Эрмана «Иероглифы»<sup>79</sup>.

Можно думать, однако, что именно в это время возникла настоятельная необходимость описать систему египетского письма в свободных грамматиках с учетом взглядов Зете и нового материала. Через 20 лет после появления концептуальной модели системы египетского письма Зете почти одновременно в Англии и Германии увидели свет две новые грамматики египетского языка — А. Гардинера и А. Эрмана.

В 1927 г. вышла «Египетская грамматика» Алана Гардинера<sup>80</sup>, по его справедливому выражению, наиболее важное достижение его жизни<sup>81</sup>. Нет сомнения, что представления Гардинера (1879—1963) о системе египетского письма сложились, с одной стороны, под влиянием взглядов Зете, а с другой — под влиянием английской египтологической школы.

Гардинер (как в свое время Ле Паж Ренуф и Гриффис) делит египетские знаки только на два класса: идеограммы, или смысловые, знаки (ideograms, or sense-signs), и фонограммы, или звуковые, знаки (phonograms, or sound-signs)<sup>82</sup>. Однако в отличие от Ле Пажа Ренуфа и Гриффиса, которые относили к фонетическим знакам только два вида знаков, Гардинер принял деление Зете звуковых знаков на три вида<sup>83</sup>, применив, тем не менее, терминологию своего учителя Гриффиса:

- 1) однобуквенные, или алфавитные (unilateral, or alphabetic signs), передающие один консонант;
- 2) двубуквенные (biliteral signs), передающие комбинацию двух согласных;
- 3) трехбуквенные (trilateral signs), передающие комбинацию трех согласных.

Гардинер касается и видимых связей между этими классами знаков, указывая на роль алфавитных знаков как «фонетических компонентов» для пояснения части или всего комплекса двусогласных и трехгласных знаков и роль двусогласных знаков, выступающих в качестве так называемых фонетических детерминативов. Идеографические знаки Гардинер рассматривает как класс знаков, «которые передают их значение изобразительно», т. е. как знаки, обозначающие сам предмет (purely ideographic

<sup>78</sup> H. Sottas, E. Drioton, Introduction a l'étude des hiéroglyphes, Paris, 1922, p. 6.

<sup>79</sup> A. Erman, Die Hieroglyphen, Berlin und Leipzig, 1923, S. 22—24.

<sup>80</sup> A. H. Gardiner, Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs, Oxford, 1927 (далее — Gardiner, Grammar...).

<sup>81</sup> A. Gardiner, My Working Years, 1963, p. 41.

<sup>82</sup> Gardiner, Grammar... p. 8, 6.

<sup>83</sup> Ibid., p. 25, § 17.

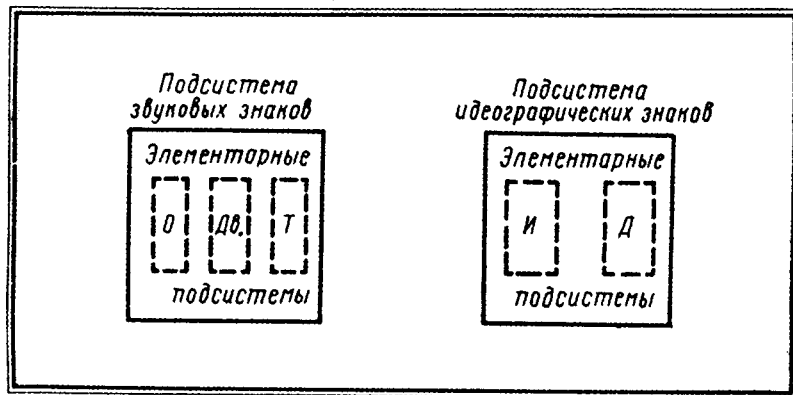


Рис. 18. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по А. Гардинеру, 1927

(О — элементарная подсистема однобуквенных, или «алфавитных», знаков; Дв. — элементарная подсистема двубуквенных знаков; Т — элементарная подсистема трехбуквенных знаков; И — элементарная подсистема идеографических знаков; Д — элементарная подсистема детерминативов)

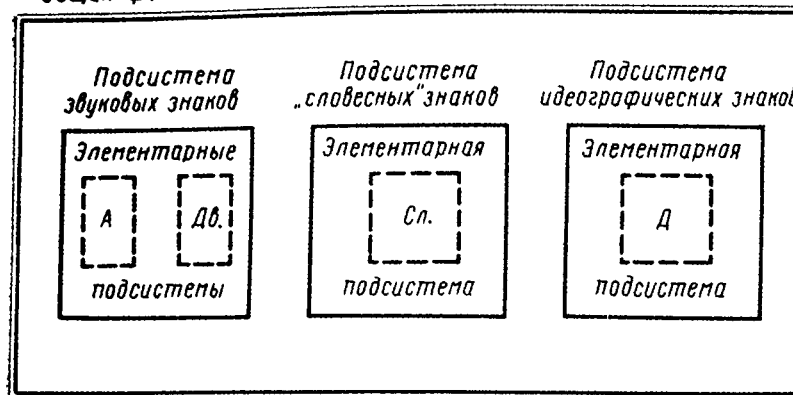


Рис. 19. Концептуальная модель соподчинения структур системы и подсистем египетского письма по А. Эрману, 1828

(А — элементарная подсистема алфавитных знаков; Дв. — элементарная подсистема двусогласных знаков; Сл. — элементарная подсистема словесных знаков; Д — элементарная подсистема детерминативов)

writings) или тесно связанное с изображением понятие, и которые поясняют звуковое написание — детерминативы. Среди последних Гардинер (как и Ле Паж Ренуф) выделяет особо родовые детерминативы (generic determinatives), т. е. идеограммы, которые служили для обозначения большого числа различных слов<sup>84</sup>.

Следовательно, концептуальная модель системы египетского письма по Гардинеру представляется следующим образом (рис. 18).

В 1928 г. вышло в свет четвертое издание грамматики Эрмана<sup>85</sup>. Она вышла через 34 года после первого издания и через 20 лет после основополагающей работы Зете (кстати, это издание Эрман посвятил Зете!). Однако Эрман в целом остался верен своей прежней точке зрения на систему египетского письма. Самое главное изменение коснулось «слоговых знаков». Теперь Эрман вообще не употребляет этот термин, а заменяет его термином «двусогласные звуковые знаки» (zweikonsonantige lautliche Zeichen). Но группы трехсогласных знаков у Эрмана все же нет, так как он не отказался от понятия «словесные знаки». Далее, видимо, под влиянием Зете Эрман отказался от своего деления детерминативов на две группы (частичные и общие). Модифицированное представление Эрмана можно свести к следующей модели (рис. 19).

Нет сомнения, что за 34 года с момента появления первого издания «Грамматики» в представлениях Эрмана произошли

<sup>84</sup> Ibid., p. 31, § 24.

<sup>85</sup> A. E r m a n, Ägyptische Grammatik, 4<sup>te</sup> völlig umgestaltete Auflage, Berlin, 1928.

некоторые изменения (ср. рис. 16), но не столь решительные, как можно было бы ожидать. Если искать этому субъективные причины, то, возможно, они заключаются в преуменьшении роли звуковой стороны египетского письма, т. е. тенденции, которая наметилась еще у Рихарда Лепсиуса. Можно привести характерное для Эрмана мнение, что египетское письмо «всегда все же оставалось только картинным письмом, дополненным в звуковом отношении»<sup>86</sup>.

В конце концов в египтологии утвердилась все-таки более «фонетическая» точка зрения на египетское письмо, восходящая к Зете, английской египтологической школе, де Руже и в конечном итоге к Шампольону. Для примера можно кратко сравнить соответствующие разделы последних грамматик Г. Лефевра<sup>87</sup>, Э. Эделя<sup>88</sup> и С. Сандера-Хансена<sup>89</sup>.

По Лефевру, египетские знаки делятся на два больших класса: идеограммы и фонограммы. К первым он относит «чистые» идеограммы (idéogrammes purs), или «словесные знаки» (signes-mots), и «символические обозначения» (signification symbolique). Фонограммы он подразделяет на трехбуквенные (les signes trilitères), двубуквенные (les signes bilitères) и однобуквенные (les signes unilitères) или алфавит (l'alphabet).

<sup>86</sup> Ibid., S. 10.

<sup>87</sup> G. L e f e b v r e, Grammaire de l'égyptien classique, 2<sup>e</sup> éd., Le Caire, 1955, p. 10—25.

<sup>88</sup> E. E d e l, Altägyptische Grammatik, Roma, 1955/1964, S. 13—31.

<sup>89</sup> C. E. S a n d e r - H a n s e n, Ägyptische Grammatik, Wiesbaden, 1963.

Лефевр отдельно описывает вспомогательные средства письма (les auxiliaires de l'écriture), относя к ним «черточку» после словесных знаков и детерминативы (les déterminatifs), которые он определяет как идеограммы, помещенные после слова, написанного звуковым способом, чтобы «определить» смысл слова.

Эдель в своей грамматике языка времени Древнего царства тоже выделяет среди фонограмм три вида: дву- и трехсогласные (zwei- und dreikonsonantige Phonogramme) и односогласные (Einkonsonantige Phonogramme). В разделе об идеограммах Эдель их разделяет на два вида: идеограммы (Ideogramme oder Wortzeichen) и детерминативы (Determinative), а именно идеограммы, вызывающие на понятие, к которому относилось слово.

Сандер-Хансен тоже выделяет среди звуковых знаков трехсогласные, двусогласные и односогласные знаки. К идеограммам он относит два вида знаков: словесные (Wortzeichen) и пояснительные знаки, детерминативы (Deutzeichen, Determinative).

Можно добавить к этому, что во всех указанных выше грамматиках отмечаются такие важные и видимые явления, относящиеся к области отношений между звуковыми знаками, как использование односогласных знаков в качестве фонетических дополнений к дву- и трехсогласным, а двусогласных — в качестве фонетических детерминативов<sup>90</sup>.

Подводя итоги деятельности «классического» периода в области определения систем и подсистем египетского письма и сравнивая их с результатами «героического» периода, можно смело сказать, что за сравнительно короткий срок произошел решительный сдвиг в понимании внешней формы организации систем и подсистем, в особенности звуковых знаков.

Правда, этот сдвиг менее всего коснулся уточнения ведущего принципа общей системы. До настоящего времени не существует единого мнения о том, что являлось главным, центральным (не обязательно первичным) в этом письме, т. е. какая подсистема играла доминирующую роль. Несмотря на то что большинство египтологов утверждает, что это — иероглифическое письмо, дополнительное фонетическими элементами, нам представляется, что чаша весов все же стала склоняться в сторону «фонетического» начала, хотя бы в связи с выявлением третьей элементарной подсистемы звуковых знаков (трехсогласных) и тем самым отторжением значительного количества знаков от идеографических.

Переходя к рассмотрению общих взглядов «классического» периода на структуру подсистемы идеографических знаков,

<sup>90</sup> Для полноты нашего обзора следует упомянуть, что взгляды Г. Энглюнда, автора небольшой грамматики египетского языка, несколько, видимо, отличаются от только что указанных. Среди фонограмм она различает «алфавитные знаки, каждый из которых изображает фонему», и «силлабические знаки, содержащие две или три фонемы». Причины, по которым автор называет дву- и трехсогласные знаки «силлабическими», не указаны (G. Englund, Introduction a l'égyptien pharaonique, Stockholm, 1969, p. 8).

можно отметить, что в этой области представления несколько изменились, и не только за счет уменьшения значения идеограмм в связи с выделением из них трехсогласных знаков. Отвлекаясь от терминологических различий, все же можно утверждать, что в целом система идеограмм представляется по-иному, чем в конце прошлого периода, когда ее структура была сведена к двум типам детерминативов (Бругш, Ле Паж Ренуф). После статьи Зете (1908) стало преобладать мнение о наличии среди идеограмм двух типов знаков (по Зете — Wortzeichen, Deutzeichen): собственно идеограмм и детерминативов. Следовательно, в какой-то мере пришлось вернуться к Шампольону, который выделял именно идеограммы (изобразительные и символические знаки), а детерминативы считал лишь функцией идеограмм. Как мы видим, многие египтологи относят детерминативы к специальному классу идеограмм (т. е. к особой элементарной подсистеме) и делят их на две группы по значению, но продолжает существовать мнение, что это не особый класс знаков, а функция идеограмм. Такая неопределенность не случайна, без сомнения, и вызвана тем, что речь идет не о звуковых, а о семантических единицах. Единообразного и четкого выделения элементарных подсистем идеографических знаков не существует. Вслед за Зете в последнем издании своей грамматики Эрман рассматривает две элементарные подсистемы: «словесные знаки» и детерминативы. Эдель в грамматике староегипетского языка тоже описывает идеограммы, или словесные знаки, и детерминативы, хотя о последних он говорит как об идеограммах, используемых как знаки-понятия. Сандер-Хансен без всяких оговорок твердо различает среди идеограмм словесные знаки и пояснительные знаки (детерминативы).

Однако Лефевр, следуя традиции французской египтологической школы, среди идеограмм выделяет две группы: «чистые» идеограммы, или словесные знаки, и символические обозначения, но детерминативы считает функцией идеограмм (l'idéogramme dans l'emploi de déterminatif).

Как мы видели выше, Гардинер среди идеограмм, или смысловых знаков, различал два подвида, не выделяя их, впрочем, в самостоятельные единицы. То же самое относится и к детерминативам. Среди них Гардинер особое внимание уделяет родовым детерминативам (generic determinatives), что является продолжением линии Бругша — Ле Паж Ренуфа, но тоже четко не подразделяет детерминативы на два класса.

В противоположность этому понимание структуры системы звуковых знаков резко изменилось и установилось полное единство взглядов.

Если в «героический» период подсистема звуковых знаков сводилась к двум типам знаков (алфавитным и слоговым), то в «классический» период твердо установился взгляд на ее трехтипную консонантную структуру (односогласные, двусогласные, трехсогласные знаки), т. е. внешняя форма организации звуковых

## ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ (ПОДСИСТЕМЫ) ЗВУКОВЫХ ЗНАКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

знаков и количественно и качественно стала представляться совершенно по-иному, чем в предыдущий период.

В целом количество всех звуковых знаков в «классический» период определялось примерно в 150 знаков.

Существование *внешних связей* звуковых знаков не вызывает сомнений. На то, что элементарные подсистемы используются не изолированно одна от другой, указывает способ написания слов, при котором одногласные знаки часто употребляются как фонетические дополнения, поясняющие звуковой состав двусогласных и трехсогласных знаков, а некоторые двусогласные знаки как фонетические детерминативы.

Решительный скачок в понимании внешней формы организации системы звуковых знаков связан, как мы видели, с тем, что в «классический» период полностью утвердилось представление о трех элементарных подсистемах звуковых знаков: одногласных, двусогласных и трехсогласных.

Как видно из всего предшествующего изложения, ни в коем случае нельзя недооценивать достижений «классического» периода в изучении всех аспектов системы египетского письма, в особенности элементарных подсистем звукового письма, и в установлении значения отдельных знаков. Но, с другой стороны, не должно создаться мнение, что в этот период было уже все сделано по изучению системы звуковых знаков и остается лишь уточнять значение отдельных знаков или изредка вводить в научный обиход новые знаки из вновь обнаруженных текстов.

«Классический» период не поставил и не ответил на очень важные вопросы. Интуитивное отношение к звуковым знакам как к хаотическому и случайному набору большого числа знаков, связанных только внешне, препятствовало в этот период тому, чтобы поставить вопрос о возможных *внутренних связях* этих знаков. Остался неясным и вопрос о характере звуковых знаков, т. е. о соотношении их с какой-либо единицей речевого потока, хотя обычно в противоположность предшествующему периоду их возводят не к слогу, а к словам.

### ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ



Предыдущая глава этой книги показывает в самых общих чертах, как изменялись представления о системе и подсистемах египетского письма от античной эпохи до нашего времени. Эти изменения особенно касались подсистемы звуковых знаков. От точки зрения «здравого смысла» — что у египтян, как у древних европейских народов, был алфавит в два с половиной десятка знаков, включающих знаки для передачи гласных, — был проделан огромный путь до понимания того, что система звуковых знаков была и более необычна и более обширна, т. е. что она включала более полуроста знаков, передававших либо один, либо два, либо даже три согласных.

Сначала был уточнен состав элементарной подсистемы одногласных (алфавитных) знаков. Их количество было сведено к 24 знакам и тем самым было определено примерное количество согласных и полусогласных звуков египетского языка и их весьма условное качество. Все это в практическом отношении положительно сказалось на единообразии транскрипции текстов. Окончательно был отвергнут взгляд на существование знаков для передачи гласных звуков.

Вторая элементарная подсистема звуковых знаков, ранее мыслившаяся как слоговая, была определена как класс двусогласных знаков. При этом был учтен, во-первых, принцип игнорирования гласных на письме и, во-вторых, то, что эти знаки, судя по коптскому языку (последней стадии древнеегипетского языка), отражали в определенной последовательности одинаковые согласные компоненты в словах различной вокализации. Количество этих знаков было оценено примерно в 80 знаков.

Наконец, была установлена третья элементарная подсистема звуковых знаков — трехсогласные знаки. Их количество обычно определялось в 40—50 знаков.